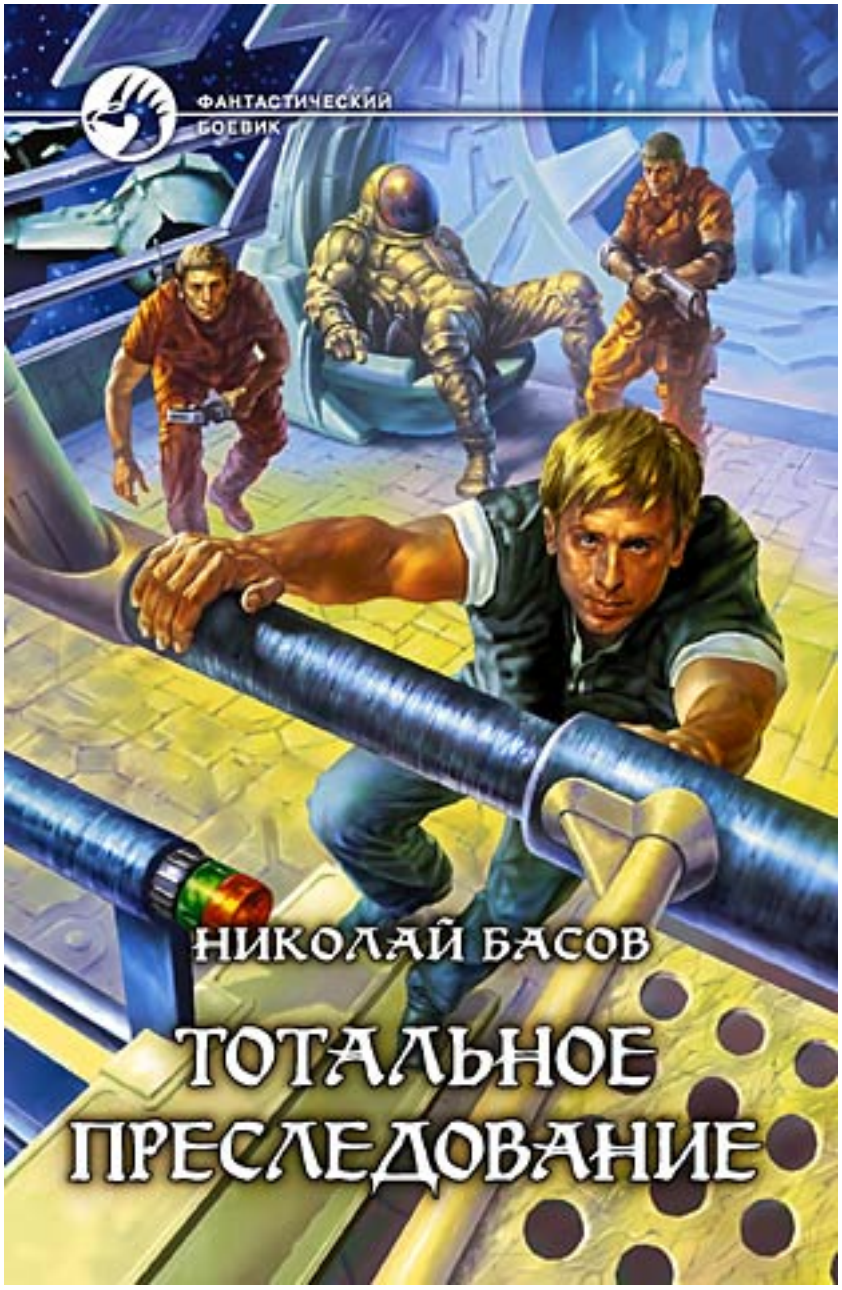
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
НИКОЛАЙ БАСОВ
ТОТАЛЬНОЕ
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Николай Владленович Басов

Тотальное преследование

http://www.fenzin.org
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157321
Тотальное преследование: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2007
ISBN 5-93556-870-5

Аннотация

В день зимнего солнцестояния 2012 года на Землю обрушиваются кошмарные инопланетные захватчики. Силы неравны, и все сражения землянами проиграны. Но, когда покоренное человечество пробуют научить работать «по-инопланетному», чужие технологии обучения создают из самых талантливых землян людей новой породы, обладающих не виданными прежде способностями. Эти бойцы способны возобновить сопротивление, что заставляет всех тех, кому новый порядок кажется незыблемым, организовать их тотальное преследование… Оно не срабатывает только в отношении одного человека. Но сможет ли одиночка вернуть Землю ее исконной человеческой расе…

Содержание

Часть первая 4
1 4
2 8
3 12
4 17
5 22
6 27
7 32
8 37
9 41
10 46
Часть вторая 50
1 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Николай Басов
Тотальное преследование

Часть первая
ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕМЛИ

1

Девушка сидела напротив Тома с самого начала, еще когда никто не отходил от стола. Голубоглазая, только на внешней стороне радужки виднелся темный ободок. Держалась она отстраненно и, как Том понял по разговору, пришла с дочерью. Девочке было чуть меньше десяти лет, она спокойно играла в комнате Саввы с совсем мелким мальчонкой.

Невеста, как Том привык величать Настю, разумеется, сидела рядышком, но когда все выходили покурить, тоже куда-то удалялась. Компания собралась разношерстная, многие виделись впервые, поэтому Том слегка стеснялся, – такие компании ему не нравились. И ведь Савва предупреждал об этом, но невразумительно, вот Том и попался. Если бы знал, не пошел бы на эти посиделки, скорее всего отправился бы к Невесте, хотя, с другой стороны, там ее родители… А они не всегда к месту.

Потом Настя пропала надолго. Том в это время сидел в большом кабинете отца Саввы и курил свою трубочку. Она забилась смолкой, приходилось ее то кочегарить больше необходимого, то вовсе перенабивать. Идти в большую комнату, где шумело основное сборище, медленно, но неотвратимо склоняющееся к танцам, не хотелось. Вернее, девчонки, конечно, захотели танцевать и решили устроить небольшой переворот, чтобы сподвигнуть на это и своих кавалеров. «Может, тоже пойти», – лениво раздумывал Том и никуда при этом не шел – как сидел, покуривая, так и не двинулся с места.

Незаметно он остался в одиночестве, остальные курильщики откочевали из кабинета. Тогда-то и раскрылась дверь, в нее осторожненько, боком, вошла эта голубоглазая. Уселась напротив Тома, подобрала глухое вечернее платье, не прикрывающее только тонкие лодыжки, улыбнулась в полумраке и сказала:

– Как я поняла, вас зовут Томом? Странное имя.

– Ничего странного. Отец у меня долгое время работал в Грузии, а там есть имя – Томаз, с «з» на конце. Вот он и назвал меня… в честь одного из своих друзей, кажется.

– А фамилия?

– Извеков, – теперь уже усмехнулся Том. – Дед из детдомовских, после войны там наловчились давать фамилии – Непомнящий, или Бессмертнов, или Живой… Но дед оказался у людей поумнее, они и придумали такую фамилию, от прилагательного. – Том вздохнул и спрятал трубку в карман. – Когда Союз распался, он перебрался в Кинешму, но теперь это дело прошлое. Он умер.

– А ваши родители?

– Вы всегда задаете так много вопросов?

– Только тем. кого хочу расспрашивать.

Том призадумался. Зачем ей это, почему она вздумала так на него наехать? В конце концов он так и спросил.

– Вы меня интересуете, – просто сказала девушка. И тут же протянула руку. – Лариса, можно Лара. – Том пожал холодные пальцы, а потом снова уселся поудобнее. – Я про вас много знаю. И давно хочу познакомиться. Поэтому и пришла сюда.

– Даже с дочерью?

– С ней, чтобы все было ясно. С самого начала.

«Это что же, – подумал Том, – она за мной ухаживает? Чушь какая-то, я же с Настей, Невестой…» Ее даже в КБ так подружки называли, всем было известно, что он, Том Извеков, сделал ей предложение, которое было с некоторыми оговорками принято.

– Я тут не один.

– Знаю, но это меня, как видите, не остановило. – Лара посмотрела в большое, довольно высокое окно сбоку от Тома, за которым падал снег.

Что и говорить, сочельник получился на славу, вот только это был католический сочельник. Но народ все равно решил его отметить, а Савва предложил провести вечер у него, с чем все, разумеется, согласились. Отец Саввы был не кто иной, как главный инженер завода, квартира у него была огромная, Том даже не был уверен, что она пятикомнатная – кажется, в ней была такая запредельная штуковина, как специальный закуток для прислуги. Дом-то старый, сталинской еще постройки. И располагалось жилье Саввы удобно, почти в центре города, неподалеку от набережной и всяческих автобусов. Правда, до общежития, где обитал Том, езды более получаса, но на это жаловаться не приходилось, если уж Савва считался его, Тома, главным другом…

– Вы вместе с Саввой работаете?

– На кораблестроительном, в КБ. Он – технолог, а я электрикой занимаюсь. И немного прибористикой, но это только когда меня заставляют.

– Нравится работа?

– Нет. А где вы трудитесь?

– Хирургическая сестра, в первой клинической, хотела когда-то стать врачом… Не вышло.

Голубоглазая Лара посмотрела на дверь – вспомнила о дочери. Том кивнул: о раннем замужестве, неудачном и скоренько развалившемся, отложенных планах по поводу мединститута и нынешнем одиночестве догадаться было нетрудно.

– Значит, вы пришли, чтобы поймать меня тут? Или я обольщаюсь?

– Так и есть. – Лара медленно улыбнулась, на этот раз грустно. – Савва – младший брат моей лучшей подруги… Она сейчас далеко – вышла замуж и живет в Питере.

– Я знаю, она окончила питерскую корабелку. – Том вздохнул и решил, что не слишком разоткровенничается, если признается: – Когда-то я и сам хотел туда поступать. Но это превосходило финансовые возможности семьи. Пришлось тут, в Ярославле.

– Нравится наш город?

– Река нравится, хотя я мечтал о море, о больших верфях, об океанических кораблях. А город… Люди нравятся больше.

– Ты знаешь, что производишь впечатление человека, который оторван от всего разом? – спросила Лара, подчеркнуто переходя на «ты».

– Я неудовлетворен… работой, бытом, может быть, перспективами. – Он вздохнул и попытался снова набить трубку. – Но казаться оторванным – нет, не признаю.

– Давно видел маму?

– Она вышла замуж вторично, у нее своя жизнь.

– Вот у меня родителей не осталось. – Лара вздохнула. – А знаешь, как иногда хочется, чтобы… – Она закусила губу. – А невеста у тебя очень красивая. Она кто?

– С нами работает, чертежницей. Отец на нашем заводе начальник цеха, мама… Не знаю, кажется, я видел ее на какой-то фотографии в милицейской форме. Обычная семья, хорошая, честная. – Он действительно не знал, что еще можно добавить.

– Ты не любишь ее.

– Твое-то какое дело? – Том хотел, чтобы в нем взыграло возмущение, но как-то не получилось.

– Если хочешь знать, я хоть и старше тебя намного, но положила на тебя глаз. Поэтому меня это тоже интересует.

«А вначале показалась робкой, – вспомнил Том, – ну и ну!»

Бухающие даже среди толстых стен отзвуки музыки вдруг стали на миг высокими, потом резко оборвались. Послышались выкрики, кто-то кому-то орал приказным тоном, кто-то рычал, какая-то девица взвизгнула.

Том поднялся, сунул неразгоревшуюся трубку в карман и вышел в большую комнату. Тут пытались подраться, не очень успешно, впрочем. У одного из весельчаков с пшеничным чубом, вероятно, считавшего себя роковым красавцем, под скулой расплывался синяк, у другого губы были в крови. Обоих, конечно, уже разняли и старательно удерживали. Какой-то напившийся толстячок в галстуке, съехавшем чуть не за ухо, по-прежнему орал:

– Олухи, не могли выйти, прямо тут решили праздник испортить?!

Вероятно, он еще не допил. Настя вдруг вылетела одним прыжком из компании девчонок и оказалась рядом с Томом, обхватила его за руку и словно бы спряталась за него. Том удивился, но посмотрел на девушек и все понял.

Драка-то случилась из-за Невесты. И вот теперь он оказался в нее как бы втянут, хотя сидел в кабинете отца Саввы, покуривал и разговаривал с Ларой. Скверно вышло: если бы Том сидел тут, тогда и драки бы не случилось. Парень с синяком вдруг переключился на него и принялся что-то выкрикивать, едва проглатывая матерщину. Тот, что был с разбитыми губами, расслабил руки, ребята его отпустили, и внезапно он снова бросился в атаку с воплем:

– А я говорю, она моя!..

И залепил по скуле чубатого еще разок, да с оттягом, так что по всей комнате чпокнуло. Том посмотрел на Настю: та выпила больше, чем полагалось, и к тому же стыдилась происходящего. Это гораздо лучше всяких оправданий подтверждало, что ее вина тут немалая.

Неожиданно откуда-то выскочил Савва – в одной рубашке, веселый, словно ничего неприятного не произошло, – оттащил окровавленного, повелительно вывел ребят, которые удерживали чубатого, в коридор, потом оказался у проигрывателя и попробовал его завести. И тут-то выяснилось, что отменный трехколоночный, с сабвуфером, сидишный проигрыватель не желает включаться. Девицы собрались в стайку обсуждать перипетии скандала, но Савва, даже не изменившись в лице от поломки проигрывателя, подошел и к ним.

– Ничего страшного, будем плясать под телевизор!.. А что остается? – И комично развел руками. Вот за это его все и любили – за неизменную и добротную интеллигентность.

Телевизор включили на полную мощность. Передавали там какую-то лабудень, музыкальные программы часто прерывались трансляциями того, как празднует Рождество Европа.

Некоторое время Настя не отходила от Тома, держала его за руку, и он не знал, что делать, потому что танцевать не хотел. Наконец решил ее уговорить не уходить пока:

– Ничего страшного, ребята подпили… Если никто не будет вспоминать, они к концу вечера брататься начнут.

И лишь потом понял, что первое ошеломление Насти уже прошло и она сама не хочет уходить. К тому же к ней присоседились какие-то девушки, пытались, кажется, поговорить

о том, что и как произошло. И утешить, может быть, даже с оттенком зависти – не из-за каждой такие страсти загораются.

Довольно скоро Том отошел в уголок, по-прежнему совсем не жалея, что не любит и не умеет танцевать. Он и не заметил, как рядом с ним оказалась Лариса. Она вдруг взяла его ладонь в свою – незаметно для всех, кроме них двоих. Это вызывает сильное чувство, когда тебя так берут за руку – совсем не похоже на расхожее рукопожатие…

И еще от нее веяло, кажется, участием, некоторой формой поддержки, по сравнению с которой даже Невестина красота не вызывала чрезмерных надежд. «Дело в том, что она – опытная», – решил Том, но отказываться от той теплой волны, что исходила от Лары, не хотел.

Он не знал, что этот вечер долго будет ему помниться. И даже очень долго – много веков и во многих местах, о которых он в тот момент и не догадывался. Просто потому, что все было таким обыденным, таким человеческим… А дальше случилось вот что.

Музыкальный канал вдруг сорвался с приема, по экрану пошли разводы, кто-то даже высказался, мол, дождались: сидюк накрылся, теперь и телик… Но неожиданно возникла странная, временами уплывающая в сторону картинка, которая демонстрировала что-то бесформенное, фиолетовое и жуткое. А потом она заменилась на необычного диктора в какой-то пропотевшей футболке.

Том потом пытался понять: человеком был диктор или нет? Что-то в грубых, незнакомых чертах его лица наводило на сомнения в человечности. На дурацком, но вполне вразумительном русском диктор, помявшись, объявил: «Мы прибыли к вам из другой звездной системы, земляне. Мы вас завоевываем».

2

Все закрутилось в невероятном темпе. Не прошло и трех дней, как Том оказался в офицерской казарме, приписанной к инженерным частям, поэтому стройбатники ее как бы делали для «своих». Но все равно это была казарма, с ее непередаваемым запахом, скученностью, бестолковостью и привычным произволом старших над младшими.

В казарме этой выяснилось, что никто не знает, что следует делать. Кого-то куда-то посылали, приписывали к каким-то частям третьей очереди развертывания, но уже по прошествии нескольких дней эти же люди возвращались, потому что там, куда их посылали, никто не знал и не понимал даже, что с ними делать. Это происходило не раз и не два.

В эдакой возне, когда Том даже в штаб пытался протолкнуться (пусть и не привык соваться к начальству лишний раз – нормальная практика, усвоенная им еще на заводе), про него неожиданно вспомнили. Отослали за двести километров куда-то на север, придали два отделения голодных и вечно хмурых солдатиков, которые, как выяснилось из разговоров в курилке, и автоматов-то в руках не держали, и заставили настраивать, а потом и таскать куда-то мобильные электростанции. Зачем они были нужны, кому, для чего – все это осталось для Тома большой загадкой. Но с заданиями он справлялся по всей форме. Вот только спать приходилось в зимних палатках, с солдатами, поэтому уже через несколько дней половина его людей отправилась в лазарет с банальной простудой, но у двоих все же случилось воспаление легких. А один паренек даже обморозился, и в лазарете его так хорошо полечили, что, по слухам, он довольно скоро умер.

От этого отношение Тома к армии, впрочем, не изменилось. Ему все время казалось, что это только начало войны, что сопротивление пришельцам, откуда бы они не пришли, вот-вот начнется в самом скором будущем и, возможно, окажется успешным. Да и машины, с которыми, как выяснилось, Том умел обращаться куда лучше, чем с подчиненными ему людьми, внушали некоторую надежду на разумность происходящего. Но, к сожалению, всего лишь надежду. А однажды ночью, когда Том ворочался без сна в окружении таких же парней, он придумал, что сама потребность в этой надежде, в необходимости слепо и почти бездумно полагать, что все происходящее разумно, как раз и ставит на самой этой разумности большой и жирный черный крест.

Как ни удивительно, это соображение подтвердилось к вечеру следующего же дня – людей разобрали по другим отделениям, а самого Тома отослали назад, в уже знакомую казарму, в которой ему так не хотелось оказаться снова, что он по дороге чуть не дезертировал в Ярославль.

Тут стало понятно, что людей армия набрала уже столько, что обедать приходилось в две смены, и то не всем доставалась хотя бы тарелка отвратительной «кирзы» с какой-то подливой, густо замешанной на консервированной томатной пасте в качестве источника витаминов. Но место Тому нашли, правда, на третьем этаже поставленных ярусами коек, только с бельем было, разумеется, очень худо. Но у Тома от командировки остался почти чистый спальный мешок, иначе бы тоже, вероятно, в эту зиму подхватил что-нибудь вроде воспаления легких, и он сумел устроиться. Вот только мешок этот приходилось оберегать – в казарме, пусть и офицерской, народ подобрался разный, могли и утырить.

Но в действительности, если что и тырили по-настоящему безжалостно, так это батарейки к радиоприемникам. Еще воровали фонарики, но скоро эта практика прекратилась, потому что батареек для них уже не хватало. Предметом особой гордости и, соответственно, зависти оказались фонарики, которые можно было заряжать от сети. Еще у пары ребят были фонари, которые нужно было все время подкачивать, как кистевой эспандер, и которые за специфический звук называли «жучками». Тогда же Том и проявил себя, смастерив из кусоч-

ков консервной банки и проводков переходник, и теперь половина ребят могли послушать радио, подсоединив к «жучкам» вместо лампочки эту хитрую приспособу. Только звук в приемничках получался при этом слабым, поэтому «подкачивать» электропитание допускали не всех, а только самых сильных.

Радио слушали постоянно, хотя ничего особенно интересного не передавали. Почему-то много гнали классической музыки и, разумеется, старой попсы, а вот новости были короткими и такими путаными, что даже самые спокойные и нетребовательные ничего в них не понимали. Где-то, как говорилось, произошла высадка инопланетчиков, но их героически отбили, и оказались эти чужие бойцами не ахти, не самыми толковыми. Кто-то наш, русский, даже сбил одну из летающих тарелок, получил орден от правительства, которое, как водится, непрерывно заботилось о человечестве… Вот, как ни странно, и все.

А однажды в казарме появился строгий, хмурый майор в окружении почти десятка бойцов с автоматами и штыками на поясах, и все эти приемники отобрал. Зачем, кому они мешали – так и осталось непонятным. Тогда активно стали размножаться разные слухи. Некоторым можно было верить, другим, конечно, нет.

Говорили, что тем, кто сдался пришельцам, кормежка и вообще пребывание в плену обеспечиваются не в пример лучше, чем в армии. Еще болтали, что некоторые страны перешли на сторону пришельцев, получив какие-то гарантии стабильности и сохранения прежних властей. Но Том отмахивался от этих пересудов – все они казались недостойными доверия. Хотя стирать белье приходилось в ледяной воде, от чего по ночам иной раз так ломило пальцы, что он едва не стонал.

Потом снова поднялась кутерьма. В армии всегда так: или «быстро-быстро», или приходится бездельничать и ждать, ждать… На этот раз все действительно произошло как-то слишком уж мгновенно. За сутки Тому выдали новый ремень с кобурой, исцарапанный пистолет Макарова и два магазина к нему. Патронов, пахнущих незнакомой смазкой, дали две коробочки, правда, они развалились, и скоро в карманах его бушлата образовалась непонятная масса из раздавленного картона, неаппетитной желтой смазки и светлых патронов. Том уже знал, как чистят пистолеты, но вот оружейного масла не достал, поэтому приходилось пользоваться собственным одеколоном и какой-то фигней, которую он выиграл в шашки в казарме. Парень, у которого он выиграл этот пузырек, говорил, что это чистейшее фреоновое масло, подходящее даже для швейных машинок.

А ночью Тома разбудили, велели командовать взводом и отправили на машинах куда-то в поле, километрах в ста от Ярославля, ближе к Угличу. Там ему надлежало «развернуть вверенную часть и ждать дальнейших приказов».

Народу на этом поле собралось довольно много, пожалуй, больше батальона, но его взвод поставили сбоку – как это называлось на жаргоне военных: на батальонном фланге, – у рощицы, грустной и неживой по зимнему времени. Это поле Том облазил и выучил досконально и временами ему начинало казаться, что он будет помнить его всю жизнь.

Две палатки, костры, пресловутая рощица, торчащие из-под снега стебли подсолнухов и той гадости с трубчатыми стеблями и широкими, коричневыми от мороза, зонтичными венчиками, которую выращивали на корм скоту и об которую можно было обжечь кожу серьезнее, чем о крапиву. Горячую пищу подвозили неаккуратно, не каждый день, но концентратов пока хватало. Их-то солдатики и разогревали на кострах, да так, что очень скоро – опять же от безделья, – выяснилось, что по-настоящему готовить умеют только двое из тридцати с гаком человек, которые были у Тома в подчинении. Разумеется, этих двоих сделали бессменными кашеварами, что им очень понравилось, потому что обеспечило и сытость, и немеркнущий авторитет.

Иногда приезжал кто-нибудь на армейском уазике и строжайшим тоном называл радиочастоту, по которой следовало получать приказы, а пока они не поступили, необходимо было

давать регулярные отзвоны: мол, часть на месте, ЧП не произошло, противник не появился. И все в таком духе. Правда, по прошествии пары-тройки суток после подобных наездов такие «переклички» становились бесполезны, потому что там, куда следовало докладываться, все куда-то исчезало, и ответных сигналов Том не получал. Зато можно было ставить эти станции на прием, и хотя радиус собственного действия у них был невелик, кое-что подслушать получалось. Но по-прежнему на волнах, которые удавалось поймать, звучала музыка либо передавали совсем уж невразумительные сводки.

А потом грянула настоящая война.

Однажды под утро к ним в палатку ввалился заснеженный капитан, приказал строиться и занимать оборону на опушке рощицы. И уходя, сообщил, чтобы стреляли во всех, кто окажется в другой, не русской форме. Том хотел спросить, как быть со штатскими, но не успел, капитан уже умчался куда-то на лыжах.

Тем не менее взвод изготовил «калаши», выстроился по опушке и стал ждать. Довольно скоро с запада появилось пять танков. Шли они без пехоты, но от них веяло такой мощью, что стало страшно.

И опять же непонятно – сражаться с этими танками или это были свои? Даже бойкий ефрейтор Сагдеев, который, как подозревал Том, пару раз вообще бегал в соседнюю деревню то ли за самогоном, то ли к подвернувшейся там подруге и который рассказывал вечерами, что пришельцы города не разрушают, потому что им нужна инфраструктура человечества, не мог ничего сказать о наличии у инопланетян танков.

Танки выглядели незнакомо, но кто в них действительно сидел, Том не догадывался. И еще поднялась метель. Ладно бы просто поземка загуляла по полю, а то ведь действительно завьюжило. Видно стало метров на пятьдесят, не больше, и сделалось почему-то очень голодно. А приказать кашеварам приготовить чего-нибудь Том опасался – дым от костров, даже в такую метель, мог выдать расположение взвода. Все-таки натопить снега на керосинках и заварить чаю пришлось, иначе до вечера на одних сухарях, которыми были набиты карманы солдат, они бы не протянули.

Том и сам решился пообедать, жалея, что не догадался в свое время спрятать коробки с патронами в полиэтиленовый мешок, и вот теперь приходилось жевать хлеб вперемешку с порошком крахмального киселя и патронной смазкой. И зачем он только сунул эти патроны и брикет с киселем в один карман?.. Вероятно, просто сработала привычка запасать еду на будущее, и теперь это будущее наступило, черт побери!.. А потом начался бой.

Над метелью неожиданно проглянуло солнышко и помогло увидеть, как из серо-снежного неба вынырнули три очень странные, закругленные машины без крыльев. Одна пошла на бреющем и принялась палить тонкими лучами куда-то влево. А остальные навалились на другую сторону поля, и лишь тогда по звуку ответных выстрелов Том догадался, что кроме танков там были и зенитки, которые тоже принялись стрелять, но продержались недолго, хотя одну из бескрылых машин, кажется, подранить сумели. Потом где-то еще взлетали ракеты – поочередно то белые, то зеленые. Что это значило, никто не догадывался.

И вдруг все поле перед взводом расцвело сполохами огня, фонтанами снега и земли, а по ушам ударила почти непрерывная взрывная волна, больше похожая на рев, чем на раздельное буханье. Том прокричал команду окапываться поглубже… И вдруг все кончилось.

Том поднялся на колени – стоять на ногах он не мог, из-под шапки по шее текла кровь. В голове стоял звон, да такой, что даже поднять веки, чтобы осмотреться, было трудно. Но нужно… Оказалось, что вокруг все сожжено до земли – снег, лежавший неровными большими проплешинами, стаял. От палаток и самой рощи остались одни воспоминания. Там и сям лежали тела ребят, почти никто из них и выстрелить не успел, а на некоторых еще тлели бушлаты.

В пронизанной солнцем снежной пелене над Томом как-то странно, боком пролетел обычный, человеческий штурмовик. Его даже с болью в башке можно было услышать, но сверху его уже пытались нанизать те же лучи, которыми первая из атакующих летающих тарелок ударила по батальону. И хотя за метелью было не видно, что в действительности происходит, скоро звук двигателей самолета оборвался, а затем раздался взрыв, от которого дрогнула даже метель. Вспышки Том не увидел, но и без нее стало понятно, что штурмовику конец.

Ребята почти все были искромсаны, в живых осталось семь человек, не считая Тома. Трое были сильно контужены, у них текла из ушей кровь, одному разорвало живот, еще одному изломало руку – кажется, в трех местах, – так что она приняла совсем уж немыслимую форму. Том забрал тех двоих, что почти не пострадали, приказал оставаться за старшего ефрейтору Сагдееву, понемногу преходящему в себя, и пошел к батальону.

Когда они пересекали поле по направлению к штабу, над ними появился вертолет, который силой своих винтов завивал такие косы снега, что это было бы красиво, если бы он не принялся стрелять. Один из двоих прихваченных Томом солдатиков бросился в сторону, и его убило стразу. А когда Том с другим бойцом побежали по полю, оскальзываясь чуть не на каждом скачке, вертолет дал еще пару очередей и положил того солдатика, который бежал за Томом. Это был пожилой, рассудительный и медлительный мужичок, он не способен был бегать быстро, это его и погубило. Снарядом из скорострельной вертолетной пушки ему оторвало правую ногу.

Том, убедившись, что вертолет улетел, вернулся и присел перед солдатом. Но тот только и сумел проговорить мерзлыми губами:

– Что же они по своим-то?.. Или предатели нашлись?

Да, вертолет, возможно, сделанный людьми, стрелял теперь по ним, и это было несправедливо. Том не нашелся, что ответить, и просто ждал, пока солдат не умер. Спасти раненого в этой мертвой пустыне, постепенно вновь покрывающейся снегом, было невозможно. Том подхватил автомат с запасными рожками и пошел дальше.

Когда ему уже чудилось, что он заблудился в снежной круговерти, впереди показался танк. Машину здорово покорежило, башня слетела с корпуса, но не до конца, и висела, словно голова, неловко отсеченная неумелым палачом. В черную землю уперлось толстое дуло в зимних маскировочных разводах. Танк горел уже не сильно. Из переднего люка свисало тело водителя, он стонал, вся спина у него дымилась, и эта обугленная плоть распространяла такой запах, что Тома вывернуло. Но он все же попытался вытащить паренька.

Тот оказался не тяжелым, но лишь когда Том положил его на снег, пробуя загасить тлеющую ткань, он обнаружил, что нижняя часть водителя попросту сгорела до костей и страшно ужалась сделалась, словно бы частью карлика, приставленной к нормальному человеческому торсу. Разумеется, парень умер быстро.

Тогда Том отошел в сторону и умылся снегом, тихо матерясь на неизвестных летчиков, которые так легко, даже небрежно раздолбали весь их батальон, посланный кем-то на бессмысленную и бесславную смерть. Снег был грязный, но умыться было необходимо, чтобы скрыть слезы.

3

Свой батальон Том нашел, когда уже стали собираться какие-то ненормальные для русской зимы, красноватые сумерки. Действительно, все окрасилось в багрец, хотя дымки никакой на близком расстоянии заметно не было – ни на снегу, ни на том крошеве, которое осталось от их части.

Позже Том решил, что это у него странное последствие контузии, какой-то сдвиг со зрением. И хотя он по-прежнему не понимал, почему и зачем выжил, но абсолютно твердо знал, что медленно приходит в норму. Настолько, что когда в этих сумерках увидел дымок, пошел в правильном направлении.

Оказалось, почти три взвода выжили и даже командир батальона – майор – уцелел. Он-то и стал к утру восстанавливать подобие боевой части, назначил командиров взводов, проверил наличие оружия, оборудовал для раненых обогреваемую по-черному палатку, даже нечто вроде завтрака сумел устроить. Вот пища, а главное – горячий чаек были очень кстати. Люди, хотя и понимали, что проиграли бой самым жестоким образом и потеряли многих из тех, с кем за последние дни успели сдружиться, все же немного воспряли.

Еще, конечно, у них было оружие. Нашли пару тяжелых снайперских винтовок, почти не пострадавших, хотя одну потом пришлось перебирать, три пулемета и даже два ротных миномета с кучей боеприпасов к ним.

Бросить убитых, не попытавшись похоронить их, было нелегко. Но, во-первых, все-таки стояла зима, и, значит, долбить мерзлую, тяжелую землю саперными лопатками было невозможно. А во-вторых, за вьюжную ночь снег так укрыл следы вчерашнего разгрома, что ковыряться в сугробах показалось немыслимым.

За следующий день, опять довольно вьюжный, с поземкой на любом сколько-нибудь открытом месте, перешли на новую позицию. Зачем это было сделано, ни Том, ни кто-нибудь из других командиров взводов так и не понял, но майор настаивал, и его, конечно, послушали. Прошли километров десять, и теперь, как сказал майор на вечернем биваке, можно было к следующему утру дойти до расположения полка, вот только двигаться в темноте оказалось трудно, главным образом потому, что приходилось тащить раненых.

На следующий день кончились припасы, солдатики, кто поумнее, полезли в вещмешки, и какой-никакой ужин все же устроили, но этого было мало. Зато один из новых подчиненных Тома предложил ему четверть настоящей луковицы, которая отлично пошла с неизменными сухарями. Парня звали Зураб, он проникся к Тому доверием, потому что, как выяснилось, тоже работал до войны на Ярославских верфях, монтажником трубопроводных систем. На каждом, самом небольшом корабле была пропасть этих самых трубопроводов, вот их-то он и монтировал, а потом еще и налаживал, как словоохотливо пояснил Зураб вечером, когда они, измотанные и слегка обмороженные, укладывались на лапнике, чтобы хоть немного поспать.

Полк нашли крепко за полдень на третий день после боя. От всей деревеньки, где полк расположился, даже от штабных землянок, невесть каким образом вырытых в чистом поле, мало что осталось. Не составило труда разобраться, что бой тут был более жестоким и окончился еще более страшным разгромом. Зато в кузове недогоревшего грузовика нашлись неплохие и разнообразные консервы, а еще – картонный ящик с папиросами «Беломорканал». От одного их вида дохнуло таким домашним уютом, что Том не стал экспериментировать с трубкой, а с наслаждением принялся тянуть эти папиросы одну за другой.

Лишь к вечеру следующего дня они вышли к какому-то городку, который выглядел совершенно нормальным, не затронутым никакой войной, тем более расстрелами всего живого с воздуха боевыми машинами пришельцев. Был он мал, пожалуй, обитало в нем едва

ли больше трех-четырех тысяч человек, но они жили, ходили по улицам, и на крыльце крайнего дома покойно, как бывает зимой, сидела собака, исполняющая свои собачьи обязанности. Поэтому майор решил пока в городок не входить, как ни плохо им приходилось после такого-то похода.

В наблюдение решили отправить двоих, и Том вызвался на это задание, перепоручив командование своим взводом, как майор назвал те два десятка ребят, которые теперь ему подчинялись, незаменимому Сагдееву. С Томом вместе пошел и Зураб. На что пришлось согласиться, тем более что он не курил и у него можно было разжиться папироской – своито у Тома уже кончились, – а этот новоявленный приятель ни разу в подобной просьбе ему не отказал.

Соорудив на опушке лесополосы, подходившей к городку чуть не до самых огородов, неплохое лежбище из лапника, они вдвоем провалялись на нем полночи. Ничего необычного в городке заметно не было, и часа за два до рассвета майор решил в городок войти. Вот тогда-то случилось нежданное.

Стоило им двинуться к домам, как неизвестно откуда, словно из-под земли, появилось с три десятка необычных фигур. Они были в тяжелых на вид и плотных темно-красных комбинезонах, в серых сапогах и с пушками непривычного вида в руках. Эти пушки Том не рассмотрел – темно же еще было, а атакующим темно-красным бойцам свет был вовсе не нужен, у каждого на морде болталось что-то вроде прибора ночного видения. К тому же осветительные ракеты, которые стали бросать люди, горели недолго. Все же они позволили понять, что противник обращался со своими пушками легко, как с пластмассовыми игрушками.

Из рощицы майор приказал ударить тем двум минометам, которые всю дорогу ругали все, кому не лень, но которые теперь, когда пришла пора, пригодились. Впрочем, проработали они недолго. Пользуясь малочисленностью темно-красных, майор приказал придавить их пулеметами и бросил людей в атаку.

Несмотря на прицельный минометный налет, противник, похоже, понес совсем незначительные потери, если вообще эти потери были. Темно-красные поднялись со снега, где пережидали обстрел, и пошли вперед в полный рост, даже не открывая ответной пальбы. Некоторое время Том не понимал, что происходит.

И лишь когда начал стрелять сам, наконец-то увидел… В одном из выданных ему рожков патроны оказались переложены трассерами через два нормальных. И вот эти трассеры отлично показали, что стрелял-то он, допустим, верно, пули должны были упереться в какой-нибудь из враждебных силуэтов, но… вдруг отклоняли против всех законов физики свой полет, уходили вбок, к городским домам, или вверх или зарывались в снег, не нанося противнику урона.

Том даже глаза протер от этакого дива, но ничего не изменилось. Трассеры уходили вверх, таяли в ночном небе или вообще вздымали только снег перед противником, уверенно приближающимся к остервеневшим людям. Многие не выдержали и стали отступать, майор носился со своим пистолетом от одной группы ребят к другой, орал, матерился, казалось, на все окрестности, но… Бойцы, столкнувшись с неуязвимым противником, определенно дрогнули.

А вот Том не дрогнул и попробовал разобраться, что же происходит? Не могли «калашники», верой и правдой служившие солдатам на всех континентах Земли, оказаться бесполезными!.. Но когда до противника – если это был настоящий враг, а не морок какой-то, – осталось метров сто или еще меньше, эти фигуры вдруг стали поливать людей лучами, вроде плоского веера расходящимися над землей и слабо светящимися в темноте.

Эти рассеивающиеся лучи ломали людей, как тростник. Том мельком увидел, как убегающих к лесополосе ребят из взвода на дальнем от него фланге накрыл этот веер, и сразу

трое-четверо из них, согнувшись будто от невыносимой боли, рухнули в снег. Потом удары обрушились и в те заросли, где находился Том. При первых же выстрелах темно-красных он попробовал закопаться поглубже за каким-то кустом, должно быть, это его некоторое время спасало, лучи прошли верхом раз, другой…

До противника осталось метров пятьдесят, Том приготовил гранату и лишь тогда сообразил: раз уж им минометный обстрел не помеха, пехотную гранату они вообще не заметят. Тогда он решил уползти назад, к своим, но…

Это было как очень сильный удар в солнечное сплетение. Или нет, сначала в голову – да так, что все дрогнуло перед глазами, мир качнулся… А потом Том понял, что лежит, уткнувшись в снег, причем наст, который обычно предательски проламывался под ногами, теперь казался прочным, как асфальт, и так же царапал кожу на щеке и на лбу… И все окончательно развеялось, словно дымок из трубочки на сильном ветру.

Очнулся Том от того, что понял: он лежит на соломе, и в штанах у него холодно так, что ножом можно резать – все равно ничего бы не почувствовал. Откуда-то сбоку проглядывали лучики солнца.

Том попробовал повертеть головой, открыть глаза по-настоящему, но от необходимости прикладывать какие-то усилия снова крепко и надолго уснул. Позже выяснилось, что он опять отключился, правда, не долее чем на четверть часа. А когда сумел очухаться, выяснилось, что он не один.

В сарае находилось полсотни ребят из остатков батальона, и неподалеку полулежал сам майор. Он был на удивление слаб, бледен и ни с кем не хотел разговаривать. Некоторые уже разгуливали по сараю, они-то и обнаружили у дверей ведро с водой и ковшиком.

Когда через часок Том оклемался настолько, что сам смог удерживать ковшик у губ, все стало проясняться. Говорил высокий, с висячими усами рядовой – Том его и не помнил, может, не встречал прежде.

– Это какие-то парализаторы. Они как вжарят в человека – сразу сознанка вон.

– Почему же ты оклемался, а другие еще валяются? – спросил кто-то.

– Я так думаю, от расстояния зависит, – рассудительно пояснил усатый. – Если ты, к примеру, от этих машинок, которые… ну, захватчики использовали, находился метрах в ста, то, в общем, ничего страшного, часа за три-четыре в себя приходишь. А тем, кто был ближе или кто вообще в упор под них попал, тогда… Наверное, можно и душу отдать.

Майор, лежа на соломе, опершись плечами на грубую дощатую стенку, повернул голову к Тому:

– Извеков, ты-то близко к ним подобрался или тебя сразу?..

– Не хотел отступать, – сказал Том, вспоминая, как он отчаянно молотил из автомата и надеялся хотя бы одного из этих темно-красных зацепить, чтобы врагу стало так же больно, как было ему, чтобы отомстить за тех, кто остался у неизвестной рощицы, когда на них налетели тарелки захватчиков и вертолет… Он подумал и честно признался: – А я, оказывается, обмочился.

Почему-то не мог он выразить это примитивным и грубым словцом, решил синтеллигентничать.

– У многих так, – пояснил усатый. – Некоторые, когда под их пальбу попали, вообще усрались. Это их машинки так действуют.

– Как-то они нас слишком легко… – сказал Том, втайне радуясь, что его грех не выглядит постыдно-трусливым.

– Не то слово, – вздохнул майор.

Ему-то, как кадровому офицеру, такое поражение, конечно, казалось более постыдным, чем обмочить штаны от действия веерных парализаторов инопланетян. И едва Том так поду-

мал, как в другом, чуть более темном углу вскипела какая-то ссора. Друг на друга кричали два очень похожих паренька, Том их вспомнил: оба были минометчиками.

– А я говорю – нелюди они!

– Ты в окно-то выгляни, философ, выгляни! Иногда эти, в цветных комбинезонах по улице проходят, и капюшон откинут – люди это.

Оба были азартными и крикливыми, может, у них слух пострадал от пальбы.

– Они служат… – Дальше шла малоизобретательная, но злая матерщина. – А люди не могут… – Снова мат, уже адресованный начальству.

– Говорят они не по-нашему, – влез в спор усатый.

– Я знаю, милой, их мовку, – с заметным акцентом подал голос из другого угла какой-то мужичок, – на польке то дзвечит.

– Чего? – поднял голову майор. – Откуда они знают польский? Они что же, поляки?

– Чего не знам, того не ведам, – развел руками то ли западный белорус, то ли украинец. – Но точно – на польски.

К вечеру пленных покормили. Открылась дверь, и два местных, по-видимому, мужичка вволокли в сарай парящий живительным ароматом супа пятидесятилитровый бидон, в каких на рынке Том привык видеть молоко. Третья, вполне добродушная на вид тетка, принесла стопку солдатских мисок и достала кучу аллюминиевых ложек из глубокого кармана фартука, наброшенного поверх не очень чистого полушубка.

– Кушайте, – предложила тетка певуче, видать, тоже была откуда-то с юга.

Майор не смотрел на этих троих, он вглядывался в открытую дверь, где стояли три – или больше, за косяком было не видно, – тяжелые фигуры в темно-красных комбинезонах. Каждый из них держал перед собой знакомый теперь всем парализатор. Дернуться на них и освободиться казалось немыслимым. Не возникало сомнений, что эти трое, вооруженные таким совершенным оружием, не задумываясь, положили бы и всех собранных тут пленных, и двух мужичков с добродушной теткой.

Многие из ребят, особенно из тех, кто очухался от действия неизвестного оружия раньше других, например минометчики, тут же рванули к фляге с супом. На всех мисок не хватило, так тетка, отступив шага на три назад, пояснила:

– Вы миски-то вымойте, вон, у вас и вода стоит… Потом другим передайте.

– Да уж без тебя разберемся, – буркнул усатый без малейшей благодарности за кормежку.

– Вы, люди, лучше вот что скажите, – просипел майор. От волнения, должно быть, у него изменился голос. – Война еще продолжается?

– Да какая война, родненький? – удивилась тетка. – Земля-то уже сдалась! У этих, которые из космоса прилетели, свои люди в правительстве оказались. И не только у нас, а повсюду, сказывают.

– Врут! – почти убежденно выплюнул майор, но Том понял, что это, скорее всего, правда.

Если уж дело дошло до того, что эти, темно-красные, которых еще поляками обозвали, до таких вот городков доперли, значит, с большими-то городами уж точно все… завершилось.

И как это вышло? Или у них действительно коллаборационисты в правительствах разных стран, которые только и могли оказать им сопротивление, нашлись?

– С нами-то что будет? – спросил усатый.

Он уже сожрал, почитай, вторую миску супа и, держа ее в руках, направился к тетке с мужиками. Один из мужиков, что был без щетины, выставил вперед руку.

– Ты, солдат, назад сдай. Нам под их наметы попадать не охота, а к дверям вообще не суйтесь.

– Наметы? Это что такое? – спросил Том.

– Когда они к нам пришли, некоторые наши-то тоже, вроде вас, стрелять хотели, так они их наметами… Словно дождиком полили, некоторые после отошли, а вот собаки… Нет, собаки не отошли. Которые на них-то не бросались, теперь к нам жмутся, даже не гавкают лишний раз. И у коров молоко пропало, коль под их стрельбу попали.

– Что же будет-то? – решил настаивать усатый, стараясь держаться подальше от двери, чтобы грозные захватчики чего не подумали.

– Теперь они по лесам шарят, таких, как вы, выискивают. Как наловят, так переписывают всех, выдают какую-никакую бумажку и домой отсылают. Зачем вы им? Они больше не убивают, только ружья отымают, да кормят, если много ваших соберется. Вы-то, – мужичок почти смеялся, – сами пришли, им вас и искать не пришлось.

– А ты уже вроде не наш, да? – зло пролаял майор, но мужичок не обратил на его слова внимания.

Слопав полторы миски жиденького супа с большими кусками картошки, Том снова уснул. Но больше всего ему хотелось искупаться и переодеться, чтобы избавиться от постыдного запаха, который даже в зимнем воздухе отравлял существование.

Лишь майор не спал, хотя досталось ему поболе даже, чем Тому. Он и супу съел всего-то полмиски, не больше. Наверное, переживал очень.

4

Всех пленных из того городка, в который так неудачно пробовал войти батальон Тома, действительно довольно быстро рассортировали. На следующий же день пришли три машины, в две собрали без охраны тех, кто что-то подписал командиру краснокомбинезонных «поляков», которые взяли их в плен. А тех, кто ничего подписывать не стал или просто оказался с офицерскими погонами, засунули в третью машину и отвезли в какой-то бывший пансионат, в котором устроили концлагерь, хотя на местном жаргоне это называлось почти технически «накопителем».

Народу в накопителе было душ под пятьсот, спать в палатах приходилось в две смены, но кто-то из старших офицеров говорил, что это еще терпимо. Мол, в другом лагере, под Владимиром, спали вообще в три приема.

Зато кормили хорошо: «кирзы» не было, раз в день давали картошку с какой-то жирной подливой или склеенную в запеканку с яичным порошком, а на ужин – макароны с тушенкой по-флотски. К тому же и жиденького чаю с хлебом было навалом. Том по привычке попробовал было запасать хлеб, но потом перестал – у кухни стоял бак, в котором всегда можно было обнаружить ржаные ломти, и почти не надкусанные, настолько тут пленники избаловались.

Вот только свободного времени стало слишком много. На площадочке перед главным корпусом висели оставшиеся еще с советских времен большие рупоры, прозванные в народе «колокольчиками» за характерную форму, и по ним все время крутили музыку, большей частью классическую, и чаще других – Моцарта. Но была и попса, причем низкопробная, от которой у музыкального Тома уши буквально заворачивались в трубочки.

Через недельку вдруг привезли два телевизора. Один установили в общем зале, где помещалось больше всего народу, другой – в столовой, чтобы не мешать тем, кто спал. Сразу же стало понятно, что телики охраной не контролируются, и народ облепил их, словно ничего важнее не было на свете. Смотрели, конечно, новости, и только новости.

Все основные столицы мира оказались под пришельцами, которых теперь, с подачи совершенно не изменившихся телеведущих, называли странным словом – мекафы. Якобы это нашествие было предсказано то ли каким-то племенем из Африки, то ли еще по майянским пророчествам, и все вместе это обозначало конец мира. Разумеется, ведущие новостей излучали бодрость и оптимизм и объясняли не раз и даже не одну тысячу раз, что нашествие – никакой не конец света, а новая система отсчета, потому что эти самые мекафы – всеобщие друзья. И те нации, которые прежде всех поняли это, разобрались в ситуации, уже пожинают плоды успешного сотрудничества и захватнического дружелюбия – например, поляки.

Правда, дикторы глуховато сообщили, что чехи оказывали очень долгое и упорное сопротивление, но в итоге их все равно разгромили. Еще мекафов признали почти все арабы. «Почему арабы? Зачем они арабам? – думал Том. – Они же всегда сопротивлялись всем подряд. Ну, разумеется, если не считать тех успешных стран, у которых оказалась нефть…»

В общем, помимо поляков, их главным образом признал третий мир. Потому что правительствам этих государств понравилась идея: мекафы дают новые, революционные для человечества технологии, а люди начинают работать и процветать. На первых порах мекафы даже согласились оказать помощь бедным и голодным. И действительно, в популярной передаче «Без комментариев» эти самые мекафы или их прислужники из людей – почти всегда в темно-красных комбинезонах, хотя и других, чем те, в которых они воевали и которые уже видел Том, – раздавали мешки с мукой, рисом, даже пакеты каких-то витаминизированных мясных концентратов, вроде кошачьей еды.

Все это вызывало сложные чувства. С одной стороны, неплохо, что эти самые захватчики-мекафы кого-то подкармливают, с другой – было абсолютно ясно, что те нации, кото-

рые им не покорятся, будут распылены до потери какой-либо национальной идентификации… Такой новый термин был введен комментаторами – распыляться. Что он обозначал, было, в общем-то, понятно, но уж очень неприятным он казался по отношению к живым людям, к целым человеческим культурам… Или даже ко всей человеческой цивилизации разом.

Через неделю после установки телевизоров, поздней ночью, когда и смотреть-то его осталось человек двадцать, не больше, вдруг показали Японию. Некогда цветущая, высокотехнологичная по человеческим меркам страна обратилась в руины. Камера прошлась по знаменитым небоскребам Токио – они были разрушены. Потом показали какой-то автомобильный завод: роботы, некогда живо собиравшие машины для всего мира, теперь застыли, лишь один безумно и бесцельно крутился, ничего при этом не собирая, без малейшего смысла – нелепая конвульсия всего прошлого, привычного людям мира. А потом возникла картинка старого японского, может, еще самурайского замка, с высоким каменным цоколем и странно устроенными крышами… Он выгорел изнутри, только стены и внешняя оболочка остались, и почему-то каждому было ясно, что людям в нем больше жить не придется.

Ожидание в накопителе затягивалось и в какой-то момент стало невыносимым. Том, которому было проще, чем другим, потому что он был все-таки еще слаб и не очень торопил события, стараясь выздороветь после удара из непонятного оружия красномундирных, столкнулся с тем, что люди в прямом смысле стали сатанеть. Кто-то предлагал броситься на охрану и погибнуть, но, может быть, при этом кому-то повезет сбежать. Кто-то просто хотел погибнуть, чтобы не видеть того, что с людьми произошло…

Но самый необычный способ не примириться с произошедшим придумал майор батальона, где служил Том. Однажды он попробовал самосжечься – и где он столько масла и автомобильного бензина отыскал? Его довольно успешно загасили и увезли куда-то лечить, хотя зачем он захватчикам нужен, осталось непонятно.

В середине марта, нежданно упавшего на эту землю теплым солнышком, капелью от тающих в дневные часы сосулек и робким обещанием несбыточных теперь надежд, в лагерь прибыла изрядная команда каких-то спецов, которые привезли несколько грузовиков невиданного прежде оборудования. Даже разгружать эти ящики пленникам не позволили, все сделали красномундирные.

Что удивительно, этими людьми, затянутыми в специальные комбинезоны захватчиков, которые вообще позволяли выжить чуть не в любой мороз, командовал тот самый Зураб, с которым Том уже был знаком. Он попробовал переговорить с Зурабом, чтобы узнать, что же с ним случилось тогда, в их последнем бою у неизвестного городка, и даже пару раз дожидался того перед столовой, когда присоседиться к сытым и довольным охранникам было проще всего, но Зураб оставался недоступен. Или заважничал, или на самом деле сделался начальничком, позволяя себе покрикивать на простых солдатиков, которые – по рожам было видно – лишь недавно перешли в армию победителей. И еще он всегда грозно хмурился, словно знал что-то, недоступное остальным.

Тогда же примерно по лагерю пошли слухи – или не слухи, а шепотки, тот самый дым, который без огня не бывает, – что привезенное оборудование предназначено для опытов над людьми. Называлось это «смещать мозги», но что значило на самом деле, никто толком не знал. Только ожидали, разумеется, самого плохого, чего-нибудь вроде зомбирования, или того хуже – превращения в натуральных живых роботов, которые, опять же по слухам, долго не живут. В общем, выходило, что следует бежать.

Тут-то вдруг Зураб и сделался почти нормальным, знакомым, даже пару раз отводил кого-нибудь в сторону и расспрашивал о разном. Том заметил, что после разговоров с Зурабом многие начинали его сторониться. Но Тома это пока не касалось, он держался наособицу и даже подумывал, что если уж уйдет в побег, то в одиночку, никого за это дело не агитируя.

Потому что, как само собой получилось, стучали многие, а гадать, кто друг, а кто уже не очень, не хотелось.

В лагере же вообще сплоченных, тесных групп было немного, каждый пытался держаться самостоятельно – такое было настроение, и так было спокойнее. Нет, люди, разумеется, переговаривались между собой – куда ж от этого деться, если неделями напролет приходилось видеть одни и те же рожи, – но существенно, по душам никто разговаривать не пробовал. А если какие-то группы все же устанавливались, мекафы их довольно быстро засекали и разбивали разными способами, иногда же часть людей вообще увозили из лагеря, чтобы не возникло каких-либо хлопот.

А потом Тома как-то ночью взяли прямо в кровати, когда он спал, и сунули в карцер. Причем тащил его именно Зураб с тремя другими красномундирными. Даже поколотили немного, но не сильно, хотя одно ребро, кажется, все же сломали. В карцере Тому устроили «музыкальную шкатулку», и это оказалось совсем не то же самое, что звеневшие постоянно «колокольчики» перед столовой, а гораздо хуже, Том даже пожалел, что не сбежал, – лучше уж замерзнуть в лесу или умереть от голода, только бы не слышать этого многотонального воя… И опять же довольно неожиданно все кончилось.

Его вывели, позволили принять горячий душ, переодели в новенькую робу, выдали чудное белье, на ощупь будто сделанное из обычной бумаги, но плотное, как сатин, нежное и вполне гигиеничное. Выдали такие же странные, как бы бумажные кроссовки на липучках и повели, еще распаренного, к самому страшному корпусу, где и проводились опыты над людьми. Том не захотел сам входить в двери, но ребята Зураба были сильнее, и было их больше. Они втащили его и заперли в какой-то кокон, вроде округлого гроба, в котором можно было только стоять навытяжку. Том все еще дергался, в душе прощался с собой прежним, с привычными мыслями, чувствами, воспоминаниями…

– Зря нервничаешь, парень, – вдруг заговорили встроенные в кокон на уровне головы динамики. В произношении чувствовался акцент. – Это мешает, попробуй успокоиться.

– Ага, я успокоюсь, а ты меня… – и только проговорив все это, Том понял, насколько глупо звучат его слова. Если эти живодеры захотят, они все равно все сделают, успокоится он или нет.

– Вот и правильно, – одобрил непонятный голос. – Думай о том, что мы можем сделать с тобой… Только ничего плохого с тобой пока не произойдет.

– «Пока» или «не»? – спросил Том, но уже отговариваясь по инерции, внутренне сдавшись.

Так он впервые попал под «загрузку». Он ничего еще не знал и ни на что хорошее не рассчитывал. Позже Том не раз вспоминал этот свой первый сеанс – недолгий, минут на пять-семь. Пробовал даже посмеяться над собой, но… не получалось. Уж очень было страшно лишиться себя, сделаться другим или вообще превратиться в биоробота – эдакую одушевленную вещь, предназначенную неизвестно для чего и даже принадлежащую неизвестно кому.

Верх этого кокона несильно и слегка усыпляюще гудел, но Том решил ни за что не спать и напрягся больше, чем если бы ему насильно стали сверлить зубы. Но ничего ужасного не происходило. Так, мелькало что-то перед глазами, какие-то пятнышки света, принимающие неожиданно знакомые формы: деревья, рабочий стол в КБ на верфи, дома, Невеста… Какие-то волны стали бить в его уши, словно он лежал на берегу моря… Он сделался ватным и слабым. Если бы его сейчас попросили поднять килограммовую гирю, он бы не смог.

А потом вдруг его выволокли из кокона ребята в чистеньких темно-зеленых халатах, в каких хирурги еще до Завоевания делали операции. Только это была настоящая ткань, не суррогат, который выдали Тому. И были «хирурги» вполне доброжелательны, только лица у них скрывали почти ку-клукс-клановские маски, хотя и не остроугольные, но с такими же

прорезями для глаз и ниспадающие до груди. Но это Тома уже не волновало, на время он разучился волноваться.

Безвольного как куклу, его усадили в кресло, позволили устроиться поудобнее, и лишь тогда Том понял, что до него доходит уже не музыка и не механический гул, а чья-то совершенно незнакомая речь. Он и не знал, что можно так говорить – гладко, без интонаций, с равномерными повышениями и понижениями, иногда то ли посвистывая, то ли свистяще прищелкивая.

Один из замаскированных «хирургов» все время кивал, но ничего не говорил, лишь действовал, как и двое его ассистентов. На этот раз они Тома даже не привязали к креслу, устроили и отошли за какие-то пульты… И вдруг он понял, что прежде, когда был в коконе, с ним говорил тот самый, главный, который теперь командовал всеми остальными… Может, это и был мекаф?

И находился он совсем неподалеку, Том был в этом уверен – уж очень точно с ним управлялись. С ним опять что-то стали делать, только он не подготовился на этот раз. Никаких невнятных образов у него не возникало, зато Том осознал, что может соображать лучше, чем прежде, очень точно и ясно, можно сказать, чисто. Только направлено его мышление оказалось куда-то вбок, не на происходящее, даже не на него самого, а во что-то абстрактное.

Один из ассистентов вдруг подошел и сильно путаясь в ударениях, предложил:

– На сегодня все, можете поднимать шень… Одежду выдам новую.

Тома переодели еще раз и отвели в комнатку, где спали несколько человек. Тут у каждого имелась своя тумбочка, на которых стояли вполне больничные блюдца с таблетками. А вот ему таблеток почему-то не выдали, лишь утром покормили. И после обеда, когда Том уже отлежал себе бока, появился пухленький человечек, который принялся стучать по клавишам портативного компьютера, заполняя на Тома какой-то формуляр. При этом он говорил:

– Вы молодец, Извеков. И сражались храбро, и сейчас достойно держитесь… Мне за вас не стыдно.

«Почему этот тип должен за меня стыдиться?» – удивился про себя Том, но пока не высказывался.

– Поэтому мы сейчас вас оформим по полной программе, а потом… отпустим. Не знаю еще, когда пойдет автобус, но вы не сомневайтесь: выдадим смену белья, чистый бушлат, сапоги… Бэушные, конечно, но в вашем положении и это хлеб. И немного денег, не прежних, к которым вы привыкли, а новых. С ними вы доберетесь домой:

– Куда? – Том даже не понял сначала, что этот пухляк имеет в виду.

– Можете побывать у родителей. – Человечек заглянул в свою машинку. – Но советую вернуться в Ярославль. Возможно, вас снова возьмут в КБ. Впрочем… я бы на это не рассчитывал. После всех передряг работы немного, прежние производства не нужны, новые еще не открыты… Но что-нибудь вы отыщете.

– Работать… – Том все еще не понимал, или же его слишком ясное мышление во время «смещения мозгов» отозвалось сейчас обратной реакцией, словом, он поглупел. – Как будто ничего не произошло?

– Примерно так. Если у вас будут трудности при возвращении в общежитие, обратитесь к кому-нибудь из администрации района, вам помогут.

Том попробовал переварить полученные сведения, но не нашел ничего лучше, чем спросить:

– И даже в лагерь не нужно возвращаться?

– Зачем же вам в лагерь? – Толстяк усмехнулся. – Внизу, на первом этаже вам выдадут справку об освобождении, по которой все обвинения в вооруженном сопротивлении… с вас снимаются. – Толстяк посмотрел на Тома и понял, что должен все же что-то пояснить: –

Понимаете, вы выдали при оценке такие показатели, что вас решили в любом случае не трогать. Не знаю, часто ли такое происходит, но на моей памяти – впервые.

Том повернулся и потопал к двери, но все же решился задать еще вопрос:

– Послушайте, э-э… А почему вы так много знаете обо мне?

– Прежде чем приступить к «загрузке», или лодированию, если учесть английский термин этой программы, оценивается потенциал человека. Сделать это можно, только «расколов» чуть не всю его прежнюю жизнь. Разумеется, эти установочные сведения тоже анализируются и забиваются в определенный файл, из которого я все про тебя и вычитал. – Толстяк еще раз осмотрел Тома, на этот раз уже не улыбаясь, а словно бы даже с интересом, будто только сейчас заметил, что это не файл с экрана его компьютера, а нормальный, живой человек. – Тебе непонятно, но это неважно. Может, поймешь когда-нибудь. У тебя для этого есть все задатки.

И он опустил голову, собираясь работать дальше. По-видимому, у него было много других дел, кроме Тома.

5

До города Том добрался без приключений. Денег, которые ему выдали при… увольнении из лагеря, хватило, чтобы, пересаживаясь с одного местного автобуса на другой, добраться до Ярославля. Да еще он отлично посидел в какой-то забегаловке, набив брюхо сосисками с картофельным салатом и пивом. Вот это пиво, кажется, и послужило причиной того, что мир вдруг стал ему нравиться.

Конечно, вид у Тома был не ахти: он был коротко стрижен, в одежде, от которой за километр несло лагерем, но не обращал на это внимания. А следовательно, и другие люди, сначала провожающие его хмурыми взглядами, в конце концов неуловимо менялись, и все становилось почти нормальным.

Том ехал домой, каким бы домом ни была его общага. Вот только переночевать пришлось на автовокзале, потому что – как сказала ему одна вполне нормальная кондукторша, когда они уже подъезжали к городу, – пока существует комендантский час. Разумеется, едва Том сошел с автобуса, его остановил патруль, но справка, выданная в лагере, отлично помогла. Патрульные даже предложили ему подремать пока в зале ожидания, и Том не понял: то ли в городе было неспокойно, то ли патрули на улицах были злее. А может, вообще сначала стреляли и потом уже выясняли, в кого попали… Если попадали.

Поутру, снова заправившись на последние деньги тухловатым чаем, булочкой и пластмассовой упаковкой сметаны, с датой изготовления еще до Завоевания, Том потопал по знакомым улицам. Патрули пару раз его останавливали, но он уже осмелел. К тому же в бумажке был написан адрес общаги, шел он в нужном, правильном направлении, поэтому и тут от него отстали.

Зато когда пришел, возникли проблемы. Во-первых, никто не открывал ему знакомую чуть не до последней щербинки дверь. А когда два дюжих заспанных охранника, от которых отчетливо припахивало сивухой, появились на пороге, Тома не захотели впускать. Один механически и тупо повторял:

– Так нет же тут никого, считай, два месяца никто не живет.

– Ну и что? – сделал удивленное лицо Том. – Я тут живу, у меня этот адрес написан, за мной должны сохранить комнату.

– Послушай, мужик, тебе русским языком говорят, если не уйдешь, тогда…

И вот тогда Том разозлился. Он и не знал, что на такое способен. Кажется, до войны у него не было такого заряда злости и умения ненавидеть.

– Что тогда? – спросил он, не подавая никакого внешнего признака своей злости.

– А вот что. – И один из охранников – кажется, тот, который еще не совсем проспался, – поднес кулак к носу Тома.

А дальше Том действовал как заведенный. Он вдруг одним движением ударил по этой руке дверью, а когда охранник взвыл и попробовал отскочить, влетел за ним следом и ногой в живот ударил второго охранника, да так, что у него самого что-то хрустнуло в лодыжке. Охранник удивился и улетел, наверное, метров на пять.

А Том уже увидел у первого, которому он прищемил руку, старенький пятизарядный револьвер нерусской конструкции. Может, даже газовый, но сейчас это не имело значения. Он для верности врезал охраннику еще пару раз локтем по шее, потом выдернул револьвер из кобуры, быстро, автоматически проверил патроны в барабане и взвел боек.

– А теперь, любезные, мы начнем сначала, – предложил Том почти спокойно.

– Кирилыч! – вдруг негромко завыл тот, что нянчил теперь одновременно и руку, и свою красную, вспухшую шею.

Том развернулся и приготовился стрелять, но вместо помощи обоим олухам из подсобки, где баба Катя, общежитская вахтерша, всегда пила чай, вышел пожилой, сутулый мужичок в неизменной душегрейке. Когда-то эта фуфаечка принадлежала бабе Кате, но мужичок, видимо прибрал ее к рукам, хотя она была ему великовата в груди и на пузе.

Положение он оценил здраво.

– Опять эти… – дальше шло непечатное. – Не видят, что человек заведенный, с войны пришел! Сейчас все устрою, не волнуйся, молодец.

– Оружие, – хладнокровно потребовал Том.

– Так нет же у нас больше, – удивился мужичок в душегрейке. – Одна волына на всех, по сменам передаем. Только дубинки можем отдать.

Было странно, чтобы у людей не оказалось огнестрельного оружия под рукой, но проверять Тому не хотелось, а дубинок он почему-то не боялся. Он просто заглянул в комнатку дежурного, убедился, что там нет ружья, из которого его могут подстрелить в спину, и уже спокойнее обратился к мужичку, игнорируя охранников, у которых морды теперь стали отличаться – один покраснел, другой, получивший ногой в брюхо, стал зеленым и немного в крапинку.

– Значит так, у меня тут была комната, я хотел бы ее посмотреть. Если там ничего нет, следует заглянуть на склад, там мои веши остались, когда я уходил по повестке.

– Комнаты стоят пустые, – пояснил Кирилыч, – а склад разграбили.

Вещей Тому было не жалко, ценных или любимых среди них не было. К тому же сейчас, когда у него не осталось даже комнаты, он не знал, куда бы мог свое хозяйство свезти.

– Попадешься еще, – вдруг просипел зеленомордый, сидя на полу, и пробовал подняться на ноги.

Том не целясь, ударил его сапогом по челюсти, и этот идиот сразу завалился, из разбитых губ и носа потекла кровь. Второй охранник из красного стал бледнеть, даже руки вытянул, хотя та, которую Том прищемил, дрожала.

– Увидите меня на улице, переходите на другую сторону, – пояснил ему Том. – Иначе… – Он покачал головой, удивляясь внезапной, звериной своей жестокости, которая охватила его при виде этих откормленных тыловых вертухаев.

– Я – что? Больше ничего, братан… – мямлил второй, пока Том мерил его взглядом от начищенных ботинок до взъерошенных волос. – Только пистолет отдай, а то нам рапорта писать… Да и тебя отловят, если ты тут жил, а волыну не вернешь.

– Веди на склад, – приказал Том Кирилычу, который смотрел на все это не без тайного злорадства.

На складе общаги действительно ничего не оказалось, только какие-то брошюрки прели неопрятной кучей в углу, да дощечки от винных ящиков – может, еще с советских времен – мешались под ногами.

– Я же говорил, – сказал Кирилыч. – Тут кто только не грабил. Почитай, дня три выносили, власти тогда в городе не было… Да и сейчас не везде она есть. В центре, где улицы почище, там – конечно. А на окраинах… много всяких вылезло, шалят.

– Шагай впереди, – сказал ему Том, – свет потом выключишь. И тихо – мне подумать нужно.

Они поднялись в бывшую комнату Извекова, и хотя он поверил, что там ничего ему принадлежащего быть не может, решил все же посмотреть. Комната зияла нежилой пустотой, кровать была сломана, казенный шкафчик валялся тыльной стенкой вверх – кто-то его свалил от злобы. Том теперь и сам не был уверен, что не поступил бы так же, если бы оказался тут. Оказывается, его прежняя вежливая и уважительная даже к вещам манера поведения куда-то испарилась.

Когда они почти спустились – причем Том на всякий случай проверился, чтобы охранники были на виду, пока он выходил на лестницу, – Кирилыч вдруг засуетился и сказал:

– Ты револьвер действительно оставь. Патроны, если хочешь, забери, а машинку верни. – И вдруг спросил по-другому, расчетливо и деловито: – А тебе есть куда шагать, солдатик? А то я знаю одну старушку. Она, если ты при деньгах, задешево тебе койку сдаст и даже кормежку обеспечит по столовским ценам.

Револьвер Том вернул. Почему-то подумал: если этого не сделает, окажется настоящим бандитом. А ему этого не хотелось. «Может, придется когда-нибудь, – мелькнуло у него в голове, – но… не сейчас».

Патроны он из барабана выволок и бросил их в урну у выхода из общаги, поэтому выстрела в спину не опасался. И все-таки, пока проходил следующие несколько кварталов, держался той стороны улицы, где было больше заборов и заколоченных окон. Вдруг эти охранники оклемались и вызвали патруль, мол, на них напали и все такое… Оказаться в их власти не хотелось.

В общем, отправился Том к Невесте. Но дверь открыла ее мать, которая тут же загородила собой проем, не пуская дальше порога. На просьбу приютить на пару дней, пока он как-нибудь устроится, она хамовито рассмеялась и хлопнула дверью. Так Том оказался на улице и уже решил отправиться на завод, чтобы там найти кого-нибудь из администрации, но вдруг, когда он стоял у газетного киоска, в котором продавали только две газеты с незнакомыми шапками, к нему подбежала… Лариса. А Том-то о ней и думать забыл.

– Ты чего тут? – спросил он неожиданно грубо. Или не отошел еще от нелепой драки в общаге?

– Мне позвонили, сказали, чтобы я тебя встречала, – улыбнулась вдруг Лариса. Хмуро улыбнулась, неуверенно, боязливо и в то же время с тайным женским расчетом именно на улыбку.

– Не понимаю, – пробурчал Том. И подумал, что теперь, когда на его долю столько выпало, он побаивается неопределенности.

– Пошли, – сказала Лариса и уже по дороге, все еще осторожно приглядываясь к нему, стала рассказывать: – Мама твоей невесты позвонила Савве. Она не знала, что Савва погиб…

– Погиб?! – Том удивился: оказывается, и тут, в тылу можно погибнуть. – Он же оставался на заводе, его отец от армии отбил. А я слышал, что города и заводы не бомбили…

– Он пару недель назад возвращался с работы, и его зарезали. – Лариса вздохнула, а Том вдруг подумал, что она его друга помнит еще мальчишкой. – Говорят, его пальто понравилось кому-то из уличной шпаны… Сейчас сложно жить стало, столько всякой нечисти появилось. Мы-то не знали, что этих… так много. – Они прошли в молчании дом, еще один. Тогда Лариса продолжила: – Не знаю, на кого она попала, думаю, на отца Саввы. Он тебя помнит, вот и посоветовал позвонить мне. Наверное, ему Савва рассказал, как я хотела с тобой познакомиться… Я хотела ждать тебя у дома, но вот решила пойти навстречу. Вдруг ты не захочешь к ним идти?

– К Савве я бы все равно пошел, – хмуро согласился Том.

– Тогда бы я тебя по дороге перехватила, – улыбнулась Лара чуть уверенней.

– И что дальше? – не понял Том.

– Уговорила бы, – вздохнула отчего-то Лариса, – пожить со мной и дочкой. Ты как, согласен?

Вопрос ей дался не просто, но Тому почему-то было все равно. Он даже плечами дернул, мол, какое тут может быть согласие, если ему податься некуда. И все же честность в нем взяла верх. Когда они подходили к дому, где жил, оказывается, не только Савва, но и сама Лариса, Том с каким-то забытым чувством попытался проверить себя: может ли взять

ответственность за эту совсем взрослую женщину, да еще с дочкой? Но ничего не придумал, как-то тускло в нем все было, не до таких вопросов.

Но, оказавшись у Ларисы, Том лишь на короткое время задался другим вопросом: почему просто не занял у нее денег и не уехал, предположим, к маме в Кинешму. Он ел, отсыпался, с удовольствием плескался в ванной своей новоявленной подруги, ходил по пояс голый, обвязанный только полотенцем, почти не стесняясь дочери Ларисы, которую звали то ли Света, то ли Алла. Он никак не мог запомнить правильное имя и конфузился, когда она по-детски показывала ему язык за то, что он пару раз назвал девочку Летой, как называли ее остальные.

Больше всего времени Том смотрел телевизор с привычными новостями, в которых, как и в советские времена – ему отец когда-то рассказывал, – и новостей никаких не было. Еще Том часами сидел у окна. По их улице, одной из центральных, далекой от промышленных зон города, часто ездили нормальные машины, но были и машины, выкрашенные в бордовый цвет. Другие люди пробовали этих машин не замечать, отворачивались, словно их не было на свете, но Том приглядывался к ним, хотя и не знал, чего, собственно, хочет увидеть.

Людей в этом районе тоже было немало. Неподалеку находился один из рынков, где медленно, но верно набирала силу привычная весенняя торговлишка: соленые огурцы, зеленый лук, первая редиска, сушеная рыба, еще новогоднее сало и, конечно, неизменные консервы. Вообще-то им троим на нищенский Ларисин заработок было голодно. Она пробовала приносить из больницы какую-то снедь, которую готовили для больных и которую бабки с кухни продавали «своим» за полцены, но и этого не хватало. Пожалуй, даже в лагере кормежка была получше.

Тогда однажды Том приоделся, насколько мог, в штатское, оставшееся, как выяснилось, от бывшего Лариного мужа, и, ежась от взглядов прохожих на эти обноски с чужого плеча, сходил на завод. Тот практически стоял – корабли оказались не нужны, на всей верфи числилось только с полсотни человек, остальные были уволены. Он подумал было сходить к отцу Саввы, возможно, тот и помог бы, но не решился. А отправился со своей неизменной бумажкой, в тот пункт по найму рабочей силы, который ему порекомендовал пухлый мужичок в лагере.

Там Тому пришлось не один день просидеть в разных очередях, но постепенно его переводили на этажи повыше, и наконец настал день, когда его приняли на работу в какую-то бригаду, которая ездила по мелким городкам вокруг Ярославля и запускала трансформаторные будки. Впрочем, в бригаде Том продержался недолго. Начальству уже к концу первого месяца его работы стало известно, что он нормальный инженер и может больше, чем просто заливать в охладители трансформаторное масло или прозванивать высоковольтную проводку.

И его сделали бригадиром на большой станции, которая работала на четверть города. Но и там Том проработал недолго, как ни странно. К исходу второго месяца его отправили, как было сказано в повестке, к какому-то начальству общегородской администрации для собеседования.

Когда он вошел в знакомое еще с прежних времен здание городского управления, а потом поднялся и оказался в кабинете под номером, указанном в бумажке, которую для верности держал в руках, то ахнул про себя, потому что за столом начальника, который и должен был решить, достоин ли Том более толковой и сложной работы… сидел Зураб. Он был в приличном костюме, курил сигареты, которые повсеместно исчезли еще в первые дни Завоевания, и пил чай с настоящим колечком лимона, помешивая его ложечкой.

– Так и знал, что мы еще пересечемся, – сказал Зураб вместо приветствия.

– А я вот не знал, – буркнул Том.

– Ты, Извеков, вроде не дурак, а какой-то… малахольный, что ли? Ведь всем понятно, кто победил, и нужно ковать железо, пока есть нормальные вакансии, – проговорил Зураб, видимо, отменно устроившись на новой для себя должностенке при новых хозяевах.

– Что же это за вакансии?

– Работа, парень. Сейчас нет ничего более ценного, чем хорошая работа. – Зураб отхлебнул чаю, позвенел ложечкой по стакану. – Хорошая в том смысле, в каком она позволяет прилично жить. И нет ничего важнее этого, иначе – все, каюк, клади зубы на полку. Вот и ты же тут оказался, в моем кабинете, а не я в твоем, как было бы прежде.

– Скажи, – спросил вдруг Том, – ты – мусульманин? Говорят, вы почти целиком перешли на их сторону.

– Да нет теперь вашей стороны! – вдруг заорал Зураб так, что за спиной Тома кто-то даже заглянул в кабинет. – Есть только мы, мы вообще, и больше никого! Понятно?

– Мне-то понятно, – вздохнул Том. – Но видишь какое дело, я присягу принимал. Как и ты, впрочем.

– Все, Извеков, надоел ты мне. Надоело возиться с тобой, время на тебя тратить… Иди, голодай под забором, может, твоя присяга тебя накормит.

Том поднялся, выпрямился зачем-то, как в армии, и вышел, развернувшись через левое плечо. И лишь когда он в раздевалке перед внешней дверью натянул поношенный плащик, который ему ссудила Лариса, с верхней лестничной площадки все тот же Зураб сурово приказал:

– Извеков! Томаз, вернись-ка!

Он вернулся. А что еще он мог поделать? И тут, в приемной, перед кабинетом Зураба он получил от секретарши бумажку, в которой было написано, что Том может получить новую работу.

Недоумевая по поводу и своей глупости, и чиновного взлета Зураба, он зашагал домой. Вернее, домой к Ларисе. Но в любом случае, расстраиваться было нечего: на работу его взяли, теперь, глядишь, и полегче станет. Может, он даже эти обноски сменит, и, конечно, жизнь теперь пойдет сытнее.

6

В начале лета, как всем стало известно, старые календари следовало выкинуть, а закупить другие. Новое летоисчисление пошло с рождественского объявления о завоевании Земли, и Том сначала не мог к этому привыкнуть, путался в переводе старых дат на новые, но скоро нужда в этом отпала. Пересчитать основные личные даты – например, день рождения Леты или Ларисы – было несложно, а государственных праздников новая власть еще не придумала. Выходные же дни все получились прежние, об этом даже думать было нечего.

В году осталось двенадцать месяцев. Февраль, например, как был укороченным и на день длиннее в високосные годы, так его и оставили. Вот только к году, в которым теперь жило человечество, под номером ноль-один, приходилось привыкать.

Да еще историкам теперь нужно было находить разницу между григорианским и юлианским календарями, а потом еще переводить на новое летоисчисление. Но историков было мало, их быстро убрали с арены, и ни один из них больше не показывался даже в телике. А вот это, кажется, сделали зря. Для таких людей, как Том, было бы убедительней, если бы они все же присутствовали.

Еще его «дразнило» отчуждение от властей, но Том, как всякий русский обыватель, был уже приучен, что ничего не может высказать властям напрямую. Вернее, наоборот, властям, кажется, нечего было сказать ему по поводу, например, их… участия в освобождении Земли от людей. Они уже настолько скурвились, когда разворовывали во главе с ельцинской «семьей» все, что обычные граждане сделали и нажили за многие десятилетия, если не века, что и спрашивать их о том, «куда что делось», было бы нелепо. Вот и теперь многое пошло как прежде: начальство воровало, причем снова по-крупному, а бандиты промышляли своим ремеслом. Но если воров еще ловили, пусть и нехотя, то начальство никто за руку не ловил. А раз так, то пошли они все… И будь они прокляты со всеми, кто объясняет нам, что они якобы… «по закону»!

Неожиданно пришли новости из Москвы. Там все было почти спокойно, разгромили только те районы, где жили нормальные люди, а Кремль и «седое» его окружение остались целенькими. Еще, конечно, не тронули Подмосковье, где обитали семьи начальствующих… Ну и ладно, политикам и всяким назначенным на миллионерские должности сволочам туда и дорога, тем более что твердости и характера у них никогда не было, а было только лизоблюдство. Иногда такое, что ему только дивиться приходилось.

Еще из Москвы пришла весть, что патриарх объявил захватчиков «бесами», но за это его сместили, и в церковных кругах установилось безвластие. Новые «начальнички», кажется, попросили у захватчиков назначить им новую религию, потому что сами-то они не верили уже давно ни во что, кроме «крепких» зарубежных банков, которые в одночасье рухнули, и потому всей этой человеческой дряни пришлось накапливать новые счета, чтобы было «за что» сидеть на высоких постах.

Кстати, если внимательно смотреть новости, то возникало странное впечатление. Кажется, завоеватели медленно, но верно выгоняли чуть не две трети, а может, и семь восьмых прежних министров, начальников и чиновников, которые считали себя неприкасаемыми. Чуть ли не втайне в курилках рассказывали, что «их» клану определили очень строгое ограничение – не более одной десятой всех доходов государства. И тут-то выяснилось, что для содержания всех этих чинуш бывшая Россия расходовала более сорока процентов национального дохода и лишь остатки тратила на остальную свою государственность, так сказать. То есть все сто сорок миллионов русских людей жили и горбатились на «достойное» содержание кучки негодяев, которые считали, что именно им и суждено жить по-хорошему

в любых смыслах, а все остальные – неудачники, не выдержавшие «социального соревнования».

И вот когда им установили эти самые десять процентов, что все равно было куда больше, чем во многих других странах мира, даже и покорившихся завоевателям, то вся эта шобла взвыла и стала друг с другом сражаться. Потому что могла усвоить что угодно, но только не тот естественный факт, что можно обойтись без них, что они, по сути, никому не нужны, что они все поголовно – паразиты.

Приглядываясь к новому положению вещей, Извеков сделал для себя открытие: он не жалел никого, кто жил прежними нормами и законами. Но хотелось, ох как хотелось, чтобы все оставалось в руках именно людей, чтобы они могли осуществлять свою судьбу, свое странное, никем не объясненное и, возможно, в принципе необъяснимое предназначение, свои цели и смыслы. Почему он стал… философом, Том и сам не вполне осознавал, но рот отчего-то стал!

Он еще не был бойцом, у него еще не было понимания, как он во всем последующем переустройстве примет участие, но то, что он все-таки не должен смиряться с происходящим, с потерей человечеством своей воли, может быть, своей идентичности, он знал наверняка.

Потому и присматривался к происходящему, только по-новому, не как в «прежней», инженерной жизни, а с попыткой анализировать реальность, в любом случае, всегда пробуя понять, что же он видит. Иногда это было нелегко. Пришли вести о том, что мекафы перестраивают, например, пищевые цепочки, и новой пищей они пробовали склонить бедные страны на свою сторону. Еще сообщали, что прошла компания по одобрению «населением» производства червяков – самых разных, которых к тому же оказалось много видов. Этих червяков, что плодились на фермах с сумасшедшей скоростью, как-то отлавливали, перемалывали в протеиновую муку и кормили ею и птицу, и рыбу, и даже какой-то рогатый скот. Лозунг был такой, мол, люди и прежде не боялись есть рыбу, которая этих червяков отлично потребляет, зачем же брезговать телятиной, вскормленной на такой «подпитке»? Да, в общем-то, никто особо и не брезговал, потому что голодновато было, особенно тем, кто жил на социале. Вот это изобретение – бесплатное обеспечение всех, даже не работающих, минимальными прожиточными условиями, – Том, как ни ломал голову, вынужден был одобрить. Все-таки люди не заслужили, чтобы их уморили голодом, потому что не сумели придумать для них «полезного» дела или потому что они чем-то «не подходили» властям.

Еще не могло Тома не порадовать, что мекафы почти все высвобожденные ресурсы после сокращения громоздкого и крайне неэффективного управления, как теперь говорилось по телику, принялись вкладывать в строительство космической станции. Это действительно было необычно и красиво. Если бы Том мог хоть сколько-нибудь распоряжаться в квартире Ларисы, он бы купил на одну из своих зарплат фотообои с изображением станции – так она ему нравилась. Он даже пару раз ходил с Летой вечерами в парк, чтобы в ночном небе увидеть эту крохотную искорку, чуть в стороне от созвездия Лебедя, как он понял из статьи в каком-то журнале, хотя Лете эти походы показались глупостью и чушью. Для нее это было нормально – чтобы люди, пусть и под командованием мекафов, строили на орбите настоящий завод, по сути, космическую верфь, как говорилось в той же статье, изготавливающую космические корабли.

А вот Том никак не мог к этому привыкнуть. Из-за невозможности найти деньги на большое, во всю стену изображение, он купил пока постер и любовался им, хотя Лариса тоже считала, что смотреть тут не на что. Была бы ее воля, она бы березки какие-нибудь повесила над прудом. Но Том смотрел на свое приобретение и тихо радовался, потому что это на самом деле было изумительно – для тех, кто понимает, конечно.

В пространстве, которое светилось не очень близкой Землей, с ее дымкой атмосферы, облаками, континентами и мелкими звездочками городов, парили циплопические, очень необычные конструкции, перекрещиваясь огромными штангами, в которых, как в обычной технической оправке, работали… Кажется, все же чаще работали роботы, чем люди, хотя их было немного. Или вот такая картина: с обезлюдевшей Японии, все время вверх, в космос стартовали корабли, которые вывозили на орбиту металл, топливо и какие-то машины, назначение которых Извеков не знал, но которые все равно выглядели необходимыми и функциональными. Однажды он даже увидел довольно большой постер, где стартовало четыре корабля разом, причем один уходил к небу на бустерах, отбрасывая вниз привычный для людей шлейф огня, дыма и гари… Какой-то очень благородной гари, не той, что оставалась, предположим, от гептила. А на заднем плане парили две маленькие тарелки, они заводили на посадку огромную машину совсем уж непонятной формы, которая к тому же еще и светилась почти целиком, сопротивляясь земному притяжению…

И постепенно становилось привычным, что новая технология позволяет, например, открыть не только новые верфи на орбите над Азией, но и заложить уже другие системы над Африкой и еще где-то, над Аргентиной, кажется… А люди, которые там работают и которых иногда приглашали в теле – и радиостудии, рассказывали о великолепных и величественных достижениях, которые скоро свершатся, потому что теперь люди вместе с мекафами получили возможность совершить технологический скачок, перед которым даже холодный термояд выглядел устаревшей энергетической парадигмой…

На работе у Тома тоже неожиданно произошли изменения. Их «электрическую» контору рассортировали: кого-то вдруг отправили в Сибирь обживать новые пространства, кому-то посоветовали заняться разработкой лесных массивов, потому что дерево было ценнейшим сырьем для получения… чего-то, что можно было многократно использовать – кажется, для производства нового типа тканей. А самого Тома, как проверенного инженера, перевели на наладку водоочистных сооружений.

Правда, пока приходилось заниматься демонтажом старых систем, и это была на редкость грязная работа. За прежние годы водоочистка накопила такое количество разной гадости, самой неприглядной на вид, да еще с таким запахом, что дочь Ларисы, когда он возвращался домой после смены, только морщилась и поскорее пыталась скрыться в своей комнате. Том даже подумывал, не перевестись ли ему куда-нибудь еще, например в школу, где жизнь теперь почти повсеместно стала не в пример сытнее и спокойнее, чем прежде при «диком капитализме».

Но и на его должности оклады подрастали, пусть рывками и скачками. О них никто из бухгалтерии заранее даже не подозревал, все узнавали о новом повышении, когда получали конверт с недельным заработком. А уже к концу лета возникла система электронных денег, и тогда все стали носить карточки, с которых наличные приходилось получать в банкоматах. Карточки эти действовали по всей Земле, и вот тут-то выяснилось, какой реальный уровень жизни своим согражданам обеспечивал каждый из национальных типов экономики. Хотя и наличные деньги, невысоких номиналов, примерно рублей до двадцати, разумеется, тоже имелись в обращении. Впрочем, за новые двадцать рублей можно было приобрести куда больше, чем за прежние двадцать долларов. Поэтому потребовалось много мелочи, к виду которой Тому тоже пришлось привыкать, потому что монетки эти были и квадратными, и шестиугольными. Лишь металлический рубль, как в стародавние времена, был привычно круглым.

В общем, человечество, преодолев Завоевание, оживало, и не было даже каких-то особых протестов, как не было культурного или научно-технологического шока. В этом Тому было совсем непросто разобраться. И не только ему, но и многомудрым комментаторам в телевизоре. Некоторые высказывали идею, что человечество в том виде, которого оно

достигло в начале XXI века, оказалось в целом куда пластичнее, чем можно было предполагать. А другие глаголили о том, что мудрость мекафов (с их-то социальными технологиями, которые рассматривали власть и экономику прежде всего как сугубо обслуживающую систему) обеспечила отсутствие этого самого шока. В конце концов сошлись на промежуточном, то есть обоюдном мнении, что устраивало и мекафов, и людей. Как высказалась однажды на кухне Лариса, иногда склонная к афористичной остроте:

– Все друг друга похвалили и остались при своих.

В это время Том принялся довольно много гулять по городу и присматриваться к новостройкам, или к Волге, или к людям… И не заметил ничего необычного. Все стало как всегда и как, наверное, должно быть.

Только однажды, когда Том проходил мимо старого, хрущевской еще постройки дома, он попал вдруг в… нормальное оцепление. Ребята в темно-красных комбинезонах, в которых Том так и не научился разбираться, потому что вариантов этого самого красного цвета у новых силовиков было столько, что глаза почти не различали оттенков, деловито оттеснили прохожих к стене. На миг перед глазами Тома возникли кадры из какого-то старого фильма – кажется, про зверства гитлеровцев в Варшаве, где люди в черной форме вот так же захватили всех, кто подвернулся под руку, выстроили у стенки и расстреляли из автоматов, – но скоро все выяснилось.

Из дома на противоположной стороне улицы красномундирные, сопровождаемые ревом детей и воплями женщин, стали выводить каких-то неприятного вида мужичков, человек пять или семь, и сажать в машину с глухим кузовом, тоже выкрашенную в пурпур. А когда с людьми было покончено, ребята в масках и уже в черных комбинезонах, без оружия, принялись грузить вещи этой самой… «раскулаченной» семьи, или даже нескольких семейств.

Прислушавшись к разговорам, Извеков понял, что в толпе господствовала одна версия: раскурочили гнездо каких-то бандитов, которые занимались грабежом граждан, и разумеется, конфисковали все, что удалось отыскать. О том, что эти люди могли оказаться теми, кто не согласился с новыми хозяевами и попытался каким-то образом организовать сопротивление, за что и поплатились, разумеется, никаких разговоров не было. Все дружно поддержали официальное мнение и даже подтвердили, что это – разумно и необходимо.

Когда вечером Том рассказал за ужином, чему стал свидетелем, Лариса сказала, что тоже слышала о чем-то таком, похожем. С соседней улицы исчезла за одну ночь целая семья, а через три-четыре дня в их квартире уже жили другие люди. Еще добавила, что, по слухам, выселенных увозят в какие-то деревни, где они будут работать на фермах и на полях.

А Том подумал, что так же было в Китае во время культурной революции и что его собственная догадка имеет право на существование как минимум. Но ничего Ларисе не сказал, потому что она не захотела бы с этим согласиться, не признала бы за его соображениями никакого смысла.

Она вообще принимала все объяснения власти, все новости, которые объявлял телевизор, на веру. И очень мало в чем сомневалась. Сначала это Извекова даже забавляло, он поражался уверенности своей подруги в разумности всего, что происходило. И лишь по прошествии нескольких месяцев это стало его раздражать.

Поэтому Том впервые всерьез задумался. Например, о том, чтобы уехать в Аргентину, где, судя по объявлениям, требовались инженеры примерно его квалификации и специальности. Вот только с языком у него было туго. Тем более что кто-то из работяг, с которыми теперь Том общался постоянно, тоже намыливался отправиться на заработки и предложил учить не только всеобщий, но почему-то и арабский. Почему арабский и что бы это значило, Том догадался довольно быстро: именно там, на юге арабских пустынь, их специальность

по перегонке морской воды в нормальную, пресную и питьевую, пользовалась наибольшим спросом.

Но если с языками хоть что-то было понятно – как работаешь, так и разговаривать придется, – то странная, восточная музыка, которую теперь почти постоянно крутили по радио, сбивала с толку. Зачем ему, природному русаку, привыкать к атональному пению никогда не виденных им инструментов вроде зурны или ситара, он не понимал. А как было сказано, непонимание теперь вызывало у него настороженность или даже тревогу.

7

В той ватной среде, накрывшей Извекова с головой, как огромное ватное одеяло, из-под которого не было выхода, у него появлялись странные идеи.

Неожиданно для себя Том стал задерживаться на работе после смены и рассматривать вот какую проблему. Уже давно, еще весной, на дне реки установили сигарообразные водяные генераторы, они крутились под действием нормального течения воды и вырабатывали электроток, которого в целом хватало станции водоочистки. Но проблема заключалась в том, что сброс воды даже в такой реке, как Волга, уже давно не был плавным и неизменным, диктуемым только сезонными изменениями, например таянием снега на всем водосборе после зимы. Сброс воды осуществлялся лишь при спуске ее из Рыбинского водохранилища, помимо нормального потока, естественно. Кроме того, весной, когда начиналось половодье, воды этой было для их системы энергопитания больше, чем нужно.

А Тому на глаза как-то попалась удивительная штучка, которой раньше человечество не изготавливало. Оказывается, на космической станции, устройство которой Том узнал из одного научно-популярного журнала, была примерно та же проблема. Огромные экраны, вырабатывающие энергию при солнечном освещении, почти ничего не давали во время нахождения станции в теневом конусе, отбрасываемом Землей. Там, на космостанции, инженеры вышли из положения, придумав накопители энергии в виде огромных маховиков, которые раскручивались до частоты более десяти тысячи оборотов в минуту, а потом, в тени, возвращали эту энергию в систему, продолжая крутиться по инерции, и к тому же сохраняли для станции столь необходимую ей устойчивость по принципу гироскопа.

По расчетам, которые показались даже увлекательными, у Тома выходило: если между этими самыми гидрогенераторами, установленными на дне Волги, и системой токопотребления поставить подобные маховики – те же накопители энергии, что стояли в космосе, – тогда можно из уже построенной системы качать энергии чуть не на двадцать процентов больше. Конечно, возникала проблема криостатического обеспечения, потому что волчки эти в космосе работали в условиях естественного вакуума и близкой к абсолютному нулю температуре, но если те же двадцать процентов выигрыша направить на криогенную и вакуумную систему волчков, которые можно было установить и тут, на водяной станции, это все равно оказывалось выгодно. Вот только сбереженной энергии оставалось примерно процентов восемь-девять, но все равно… Водоснабжение тогда уже не отбирало энергию у города, а добавляло ее в общую сеть.

И те же конструкции, которые исправно служили в космосе, окупались приблизительно месяцев за шестьдесят, естественно, с учетом всех сезонных перепадов воды. Конечно, изначальный проект, который Извеков пробовал пересмотреть, тоже делали не дураки, а нормальные инженеры. Они-то должны были подумать о том, чтобы всандалить такую удобную штуку, как маховиковые накопители энергии, в общую систему… Но вот почему-то этого не сделали.

Тогда под разными предлогами Том поездил по проектным конторам и узнал, что проект этот главным образом делали гидрологи, а подтверждение на него давали какие-то химики по воде, технологи и спецы по силовым разводкам. И было это давно, еще зимой, так что выходило, что машина эта, скорее всего, просто не попалась им на глаза, как попался Тому тот журнальчик. Кстати, в том же газетном ларьке, около которого он встретил Ларису.

И когда идея вызрела, Извеков принялся чертить и писать, составляя пояснительную записку, и к концу зимы второго года Завоевания, к его собственному изумлению, проект был готов. Он даже получился не очень громоздким, просто – проект. Вот тогда для Тома началось самое трудное. Следовало все эти расчеты довести до начальства. Сначала он потолко-

вал с главным инженером водозаборной станции. Когда тот признался, что ничегошеньки толком не понимает, а работа его состоит в том, чтобы вентили не текли и вода оставалась в пределах кондиций, Том пошел к начальству «повыше». И в конце концов добрался до институтов, которые проект на станцию и составляли. При этом ему не раз приходилось выслушивать мнение, мол, зачем он все это придумал? Никто ему такого задания не давал, никто не предлагал над подобной задачей думать… Извеков и сам не знал, зачем. Идея была простая, как гвоздь, и так же надежна – неубиенно надежна, как говорили картежники.

Разумеется, «чужие» проектировщики не очень-то и вникали в его предложение, для них эта работа была проделана год назад и снова загружаться ею они не хотели. Но… административные препоны, сильные при прежних властях, после Завоевания не действовали, и постепенно информация о том, что Извеков изобрел нечто полезное, медленно, но верно докатилась до тех, кто принимал решение.

Вот тогда-то у него проект забрали, а самого с водозабора сняли и перевели уже без всяких консультаций с Зурабом в спокойный строительный трест, который имел собственное проектное подразделение. Примерно такое же, к какому Том привык еще на верфях, где все поголовно сидели за кульманами. Правда, уже с довольно мощным компьютерным парком. К слову, на верфи компьютеров не было, как не было и такого количества кабинетов, в которых сидели инженеры.

В прежние-то времена всех, кто должен был много чертить – а чертить и считать Извекову раньше приходилось очень много, – всех старались загнать в одну общую комнату, чтобы легче было отслеживать, кто действительно работает, а кто ваньку валяет. «Как будто по выработке этого было не видно», – думал Том в прежние годы. Но сейчас ему стало казаться, что для прежней организации труда это было правильно: присутствие начальства за стеклянными перегородками в рабочих помещениях заметно повышало производительность и укрепляло дисциплину.

На новом месте Том покрутился и освоился уже к началу нового, ноль второго лета. Тем более что работы теперь у него было навалом, и довольно творческой. Так, однажды уже в середине июня Извекова вызвали в главное управление энергоснабжения города и предложили, а может быть, и приказали – в нюансы этого начальственного вызова он не очень вникал – заняться серьезным анализом городской разводки энергопитания, разумеется, с учетом перспектив лет на десять-пятнадцать, не дальше. При этом его снова выдернули из треста, в котором Том почти обжился, и перевели в новое здание в центре города, где работали чистенькие девушки, где была отменная столовая и куда, кажется, подъезжало больше машин, чем было работающих. Только сам Томаз да еще человек двадцать являлись на службу пешком, то есть на общественном транспорте. И оклад сразу стал каким-то поднебесно высоким – Том и не подозревал, что такие возможны при его-то инженерной должности.

А Лариса вдруг расцвела. Она была настолько просто, по-коровьему, счастлива, что все так удачно сложилось для ее маленькой семьи, что Том втайне позавидовал ей. Он был бы не прочь, чтобы такие простые вещи и на него оказывали подобное приятное действие. Сам же он как был, так и остался откровенно и разочаровывающе неустроенным.

Нет, конечно, он тоже был доволен, что Лариса по-женски светится каждое утро перед работой, что ему готовят отличные завтраки и ужины, покупая отменные и свежие продукты преимущественно на рынке, а не в грязноватых и темных магазинах, где все выглядит даже не несвежим, а каким-то ненужным, словно людям и кормиться уже стало необязательно. Разумеется, был доволен, что Лариса почти тут же перевела свою дочь в школу получше, хотя для этого приходилось теперь ездить на автобусе три остановки – далековато для девчушки. Какие такие проблемы дочери Лариса при этом развязала, Том не знал, просто не спрашивал

об этом, но что-то в этом решении оказалось правильным, потому что Лета стала спокойнее, менее напряженной и настороженной.

А потом, когда Извеков уже и сам решил, что все в его жизни потихоньку стало устраиваться, пришел приказ пройти какую-то совершенно новую, невиданную ранее тарификацию. В прежние годы разные подобные мероприятия тоже проводились, но они бывали настолько формальны, что и не вспоминались через неделю-другую, истинные возможности людей почти не выявляли и служили лишь для того, чтобы кто-то из верхних чинов мог доложить, что дело сделано.

На этот раз получилось не так. Многих «снесли», выражаясь карточно-преферансным термином, зато многие из тех, кто сидел если не в самом низу, то в бескрайней середине служебных пирамид, вдруг получили высокие категории. Сам Томаз получил едва ли не самую высокую категорию из реально возможных, которая была занесена даже на его банковскую карточку, а именно – D6. Почему буквенное обозначение было взято из латиницы, никто не знал. Что оно означало, тоже было непонятно. Зачем к нему была прибавлена еще и цифра, тоже осталось загадкой. Возникали разные предположения и подозрения, но никто ничего не мог сказать наверняка.

Но с таким индексом, как Томазу подсказали в отделе кадров, через год-другой он с Ларисой и Летой мог вполне определенно переехать в новую трехкомнатную квартиру, если подаст какую-то там заявку. Это произвело на Ларису странное впечатление. Сначала она загрустила, потому что прожила в своем доме и в этом районе всю жизнь и не могла легко со всем расстаться. Но при этом она уже стала подумывать, как они заживут, если у них будут большая столовая и отдельный кабинет для Тома, да если при этом они прикупят новую мебель взамен старой и обшарпанной, – то есть она все вернее склонялась этой возможностью воспользоваться.

Самому Тому, после того как он видел, как выселяли из дома целую семью, не очень хотелось использовать этот шанс. Он был брезглив, с той особенной способностью не трогать других людей, не вытеснять их из привычных жизненных условий, которая отличает только тех, кто действительно может себе это позволить. Поэтому он пребывал в сомнении.

Хотя, с другой стороны, они уже жили в совершенно новых условиях – не тех, которые навязал им и всему народу России Ельцин со своими остолопами-реформаторами, да и последующие горе-президенты. Они жили после Завоевания Земли отлично организованной цивилизацией пришельцев, и если уж к ним привыкать, то начинать следовало именно с этого – проверить свои возможности в новой системе и, если получится, использовать их для себя и своих близких.

Тем более что чуть в стороне от основной, исторической части города стали возводить совсем новый, ничуть не похожий на прежние район. Там и дома выглядели иначе, как-то даже не по-русски, а словно бы с картинки про Австралию какую-нибудь, где каждая семья проживала в собственном коттедже, где в достатке оказывалось и магазинов, и прочей обслуживающей инфраструктуры. Как стало известно, при возможности и желании немного подождать именно в этом районе могли поселиться Том с Ларисой и ее дочкой.

Это окончательно приучило Ларису к мысли, что переезд – дело решенное, даже при ее привязанности к центру города. Вот только людей там собирались селить тоже не вполне обычных. Очень много было явных чужаков – например, кавказцев и немцев с поляками. Лучше всех из этой новой для города волны иммиграции были немцы. Они всегда держались вежливо в контактах с русскими, даже возникало подозрение, что они этих самых контактов слегка побаиваются. Поляков Том не очень понимал, те выглядели действительно чужими, и в то же время в некоторых реакциях в них проглядывало что-то на редкость родное, славянское. И к кавказцам в городе привыкли. Прежде они, правда, торговали на рынках, зато ныне многие из них стали обеспеченными, даже богатыми, причем настолько, что свободно

и расковано держались только с теми, кого признавали ровней себе, с остальными же были подчеркнуто небрежны или грубы.

Потом стало известно, что, помимо произошедшей тарификации, необходимо ввести под кожу какой-то электронный чип, который будет определять и положение человека, и его тариф, и обеспечит легкое считывание прочих личных данных. На это, если верить слухам, церковь согласия не дала, кажется, даже призвала к откровенному отказу от подобной операции. Но, с другой стороны, без этого было уже нельзя. Стали поговаривать, что всех, кто не имеет такого чипа, через год-другой не будут пускать в поезда, а со временем – даже в городской транспорт. Что уголовники и прочие, кто решил вырезать эти чипы, потому что именно на зонах и в концлагерях впервые эту операцию и провели массовым порядком, ничего хорошего не добились.

Конечно, заговорили, что можно при желании и за изрядные деньги эти чипы как-то подменить, что-то с ними сделать, чтобы не «засветиться», если хочешь этого избежать… Но вдруг выяснилось, что практически этого сделать не удается, что это даже более трудное и опасное дело, чем печатать фальшивые деньги. Кстати, и расплата за фальсификацию, по слухам, была очень жесткой. Кажется, отщепенцев даже не судили – они просто исчезали, и никому особо не хотелось гадать, куда они могли деться.

По телевизору изо всего сверхизобилия каналов Извеков неожиданно для себя выбрал всего пять – новостной, художественно-развлекательный и три образовательных, где почти не было назойливой телерекламы. В образовательных программах было немало информации о новой энергетике, которую привезли с собой захватчики. Рассказывалось о приливно-отливных станциях, небольших и вполне надежных реакторах холодного термояда, солнечных батареях и даже геотермальных станциях, которые были куда эффективнее, чем бесконечные поля ветряков где-нибудь в Голландии. Какие-то вещи Том не вполне понимал, но смотрел, учился и иногда приходил к мысли, что кое-что – например, энергоемкие и компактные инструменты, – мог бы придумывать и сам. Вот только не знал, нужно ли будет что-то патентовать, как-то оформлять авторское право и регистрировать лицензию, чтобы получать за свои идеи еще и некий доход.

А потом, уже когда и первые снега легли, Извеков обратился в некий институт, занимавшийся именно патентными делами, и в коридоре, когда спешил на встречу с каким-то служащим этого института, впервые увидел… мекафа. Сначала Том даже не понял, что это такое. Почему-то решил, что это один из человекоподобных роботов, каких в это заведение приводили разные изобретатели.

По коридору двигалось нечто… трудновообразимое. Позже, вспоминая эту встречу, Том решил, что это был какой-то скафандр – глухой, полужесткий, в котором что-то отчетливо плескалось. Помимо прочего, он был еще и полупрозрачным, и через его мутные пластины просвечивало нечто густое, пропитанное почти по-человечески красной кровью… Или не кровью, но все равно. Более всего это смахивало на внутренние органы, выставленные зачем-то на обозрение.

За этой фигурой, имевшей почти привычную конфигурацию – две руки, две ноги, торс и голову, хотя и была эта самая голова закрыта совсем непрозрачным забралом, – двигалось ни много ни мало пятеро охранников, причем двое с автоматами. Все щеголяли в почти человеческих темно-красных костюмах – пиджаки, рубашки и пурпурные галстуки на шее.

Позже, вспоминая тоскливое чувство, которое охватило его при виде мекафа, Том даже не мог бы уверенно сказать, не вызвала ли у него наибольшее отвращение именно группа охранников?.. Все-таки вид красных двубортных костюмов был поразителен, как если бы кто-то вырядился в средневековый костюм с галунами, штрипками и… что там у них еще было?

Но самое удивительное, по телевизору Том почти подряд трижды напоролся на передачи, которые воспевали эстетическое совершенство мекафов. Он даже не поверил своим ушам, когда впервые услышал текст, который сопровождал какие-то кадры, фотографии и рисуночные схемки. Он подумал, что сбрендил… Разве такое могло хоть кому-то показаться красивым?

Но потом Извеков попал на какое-то заседание, где издали мог еще разок полюбоваться на это чудище, а потом еще раз… И решил, что это – новая идеологическая кампания, которую проводили, чтобы захватчики своим видом не испортили… неплохо начатое Завоевание Земли. Оказывается, эти монстры были не чужды компанейщины и подготавливали почву для того, чтобы люди психологически приняли их.

Или тут было что-то другое. Но что именно, разумеется, за недостатком сведений, Томаз не догадался. Как не догадывался пока, что истина на самом деле была еще хуже, чем все, что он при виде захватчиков почувствовал и подумал.

8

Тому давно хотелось посмотреть, что получается из схем, которые он рисовал теперь на ватмане, выполняя различные заказные проекты. Поэтому, когда он получил приглашение на встречу, то отправился по указанному адресу пешком. Впрочем, на повестку это письмо никак не походило, оно выглядело намного презентабельней – с адресом, написанным красивым почерком, в хорошем конверте с обратным штампом какого-то отделения администрации города, и с вежливо сформулированной просьбой явиться в заданное время. Прежде Том изрядно насторожился бы, но как-то незаметно прошли те времена, когда он настораживался из-за пустяков.

Улицу, где Извеков оказался, состоящую из стареньких особнячков, безжалостно раскурочили. По замыслу тут должен был возникнуть небольшой парк, а вокруг него – дома для тех, кто хотел жить с комфортом, с видом на реку и не в удручающей новостройке, от которых за километр несло долговременной строительной грязью, шумом и прочими неудобствами. Некоторые дома были рассчитаны на очень богатых людей. Собственно, Извеков даже не понимал, зачем нужен такой уровень энергопотребления, но его предупредили, что дома должны появиться, вот он и сделал.

Да, все это строилось по той схеме, которую придумал он и которую, кажется, утвердили. Что в ней оказалось такого уж толкового, что позволило переиначить чуть не всю планировку старых районов, Том не знал. Нет, на самом-то деле предложенные им схемы были логичнее, целенаправленнее, в них не было и следа той хаотичной застройки, которая возникла, когда город еще только пытался осваивать силовые кабельные проводки. И ведь было это всего-то лет сто назад или даже меньше… Да, определенно меньше, наверное, где-то в двадцатых-тридцатых годах прошлого века. А вот поди ж ты – и ста лет не прошло, как все приходилось менять.

Дома, которые тут строились, несмотря на уже почти зимний холод, выглядели какими-то ненастоящими – слишком много стекла и прозрачных крыш. Прямо не дома для людей, а парники какие-то. Впрочем, кто знает этих строителей, вдруг они уже освоили такие технологии пришельцев, что и за стеклом можно жить? Вот только диковинно как-то все выглядело.

Когда Извеков свернул в старый район, куда ему было нужно, он понял, что нет, не диковинно, а просто жалко было особнячки, которые теперь приходилось сносить. Старенькие, иногда не очень удобные для проживания, они принадлежали некогда купеческой знати – людям, жившим тут три-четыре поколения назад, а то и больше. К ним привыкал глаз, и когда эти особнячки исчезали, когда пропадали чугунные решетки и палисаднички с вековыми деревьями – становилось грустно.

В старом здании, куда Извеков пришел, не в меру услужливый гардеробщик попробовал было смахнуть щеткой с его пальто налипшие невесть как снежинки, и Том даже забеспокоился, нужно ли было давать ему на чай за такую услужливость?

В приемной он обнаружил секретаршу, чье лицо показалось смутно знакомым, но кто она такая, и где ее видел, Том вспомнить не сумел. Вот и расположился в креслице, гадая о том, долго ли придется просидеть. Но явился он вовремя, и ждать его не заставили.

В кабинете Том снова столкнулся с Зурабом, но отреагировал уже спокойнее, чем в прошлый раз, когда хотел, чтобы этот человек выдал ему какое-то разрешение…

Пожалуй, кабинет у Зураба теперь стал меньше. Зато в углу появился телевизор, и кресло под ним выглядело более дорогим – чуть ли не настоящая кожа. Стол был пошире, стулья красивые и крепкие – отличные стулья, почти креслица… Нет, не умел Том разбираться в признаках чиновничьей иерархии!

– Ты чего молчишь? – спросил Зураб.

Оказывается, пока Том осматривался, хозяин кабинета тоже рассматривал его.

– Пытаюсь вспомнить, бывал я тут когда-нибудь или нет.

– У меня не бывал. Я сюда переехал в конце осени, еще не обжился по-настоящему. – Зураб вздохнул и неожиданно закурил. А ведь прежде отдавал свои папиросы из армейского пайка Тому. – Я с тобой давно хочу поговорить. Хотя работы тут на меня навалили… Невпроворот.

– Чем-нибудь эпохальным занимаешься? – поинтересовался Том, как, бывало, спрашивали сотрудники у них в проектном институте. И, пожалуй, зря так-то небрежно спросил – Зураба это заметно покоробило.

– Нет, не эпохальным. Веду оценку эффективности кампании по сокращению потребления водки. И по поводу вреда от курения.

– Сам-то, я вижу, закурил.

– Пришлось. – Зураб затянулся, высосал чуть не треть сигареты сразу. Чтобы сбросить напряжение, которое определенно висело между ними, наклонился к селектору: – Галочка, принеси нам кофе, пожалуйста, и покрепче. – Поднял голову к Тому. – Тебе с лимоном? – Не дождался ответа. – Оба с лимоном.

«А ты здорово обкатался», – подумал Извеков. Бесшумная Галочка вошла очень скоренько – наверное, включила чайник, едва Том появился в приемной, – расставила чашки. Пришлось подниматься и подсаживаться к Зурабу ближе.

К тому же и Галочка почему-то Тома заинтересовала. Была она в длинном платье… И тут же в голову полезли неожиданные мысли. Извеков вспомнил, как недавно читал: женщины возраста примерно этой самой Галочки, находящиеся в состоянии процветания и защищенности, уверенности в завтрашнем дне, склонны юбки укорачивать, переходить на всякие миди и мини… А в ситуации неуверенности они делают эти самые юбки длинными и строгими. Очень странное наблюдение, но в чем-то оно могло оказаться верным. Женщины – тот еще народ, они на такие веши внимания затрачивают больше, чем нужно… А вот кофе у Зураба был отличный, даже лимона оказалось ровно столько, сколько нужно, чтобы проявить его вкус, но не перекислить.

– Зачем вызвал? – спросил Том. – Да еще так официозно.

– Ладно. – Кофе Зураб только помешивал, но пить, кажется, не собирался. – Перейдем к делу. – Помолчал. – Ты, Томаз, талантливый инженер. Некоторые твои проекты понравились наверху. – Он ткнул, совсем по-старорежимному, пальцем в потолок. – Это хорошо. Но одна-две удачные идеи – это еще не карьера. Тебе, пожалуй, будет нужен тот, кто станет продвигать твои идеи в кабинетах и на обсуждениях, понимаешь?

– Да. – Том вздохнул, даже кофе сразу потерял что-то в своем аромате. – Ты предлагаешь тандем: я – выдумываю, ты – толкаешь.

– Приятно, когда тебя понимают. – Зураб, кажется, впервые за весь разговор, улыбнулся.

«А он и улыбаться-то разучился. Видимо, карьера не задавалась. Или образования не хватило. Или где-то крепко прокололся… Впрочем, одно не исключает другого, – думал Том. – Потому-то и перевели на „идеологию“, от которой ничего уже, кажется, не зависит и где даже не напортачишь по-серьезному…»

– Это несложно понять.

– Важно, чтобы ты понял с самого начала, – сказал Зураб со значением.

– Я же все равно буду что-то делать. – Том решил рискнуть. – Зачем мне какая-то дополнительная поддержка?

– Учти вот что: ты можешь теперь сделать что-то, что опять продвинет тебя вперед. Как вышло с этой… насосной станцией.

– С водозабором, а не с насосной станцией. Насосы – лишь часть тамошнего оборудования. – Том вздохнул. – К тому же я считал силовую часть, потребление электроэнергии и все такое… К насосам это не имело отношения. – Он помедлил и все-таки добавил: – Ты же на верфи работал, должен понимать различия.

– Я за тебя хлопотал. – Зураб, пробуя перебить Тома, даже головой тряхнул. – А ты думал – мы враги?

Напряжение в кабинете загустело, а Извекову оно было ни к чему. Поэтому он сказал с деланой беспечностью:

– Уж и не знаю, что думать.

– Я для того тебя и вызвал… попросил зайти, чтобы понять, что ты думаешь? Как настроен, как относишься к тому, что делают мекафы? Ты не стесняйся, рассказывай, что думаешь? – Зураб смотрел, как Том собирается с мыслями или с духом. – Мне по должности полагается знать, что думает народ. Так что в любом случае это будет полезно.

«Вот только, безопасно ли, – подумал Извеков, – для этого самого народа?» Но решил, что большого вреда не будет, если он что-нибудь расскажет, хотя бы и не до конца – все же не было у него привычки откровенничать в таких кабинетах.

– Учти, если ты к мекафам питаешь какие-нибудь вредные настроения, если не склонен работать на полную катушку, тогда и мое предложение, удачно названное тобой тандемом, отклоняется. Все равно ничего из этого не выйдет, проще забыть обо всем и не вспоминать.

– Понимаю, – согласился Том, – тогда так… Сомнения, конечно, есть. Слишком все быстро произошло и как-то легко. Нет, не легко, а гораздо противнее, чем если бы было с кровью и настоящим сопротивлением.

– У них технологическое преимущество, – пожал плечами Зураб, снова закурил и подвинул пачку вперед. Том взял сигарету и тут же почему-то вспомнил, как курил «беломорканалины» на ветру, с автоматом в другой руке… Кажется, это и решило дело.

– Отношение к мекафам, конечно, не простое. Есть за что их уважать и даже поблагодарить… Например, накормили голодных. Хотя еще неизвестно, что здесь правда, а что – обработка общественного мнения. – При этих его словах Зураб опустил голову, спрятав глаза. – Еще они перестраивают технику. Тоже очень хорошо, даже замечательно. Отменили старую экономику, вводят новую схему расчетов, потому что прежняя была архаичной и несправедливой… Согласен и с этим. Глупостей, которые навалили на нас в этом правители за последние двадцать лет, многовато для одной страны и одного поколения.

«А ты разговорился, – мелькнуло в голове, – пожалуй, следует тормозить. Не то боком выйдет тебе вся эта откровенность».

– И новое управление, я имею в виду социальные и административные сферы, тоже выглядят неплохо. Правда, я не все здесь понимаю, могу ошибаться, но кажется, мы уже не работаем только на власть предержащих и их холуев. А это заслуживает признательности… Хотя и среди нынешних управленцев немало прежних лиц, но больше все-таки новых…

– Но? – перебил Зураб. – Ты так все сформулировал, что должно быть «но».

– Это тоже есть. Судя по передачам, богатеньких меньше не стало. Пожалуй, их стало даже больше, чем в прежние годы. Я имею в виду незаслуженно богатеньких, не заработавших своего благополучия. А это обидно, как ни крути.

– Та-ак, – протянул Зураб. – Я думал, ты законченный технократ, а ты… Пожалуй, в мою епархию заходишь, в социальное, так сказать, устройство общества. – Он кивнул на бумаги, лежащие перед ним на столе. – Не думал, не гадал… Слишком широко смотришь, Томаз.

– Просто выражаю свои сомнения. И одно из них вот какое: очень уж ловко эти захватчики спелись с богатеями, не отменили их, наоборот – поддержали.

– А зачем же их отменять? – наигранно удивился Зураб. – Они тоже свое дело делают. Богатство – это такая штука, которая просто так с неба не падает. Если кто-то богат, значит, он полезен обществу настолько, что сумел на этом создать капитал.

– У нас в России богатство – не продукт полезности, увы, а проявление способности урвать кус пожирнее. Ты же не хуже меня знаешь, как назначали на «миллионерские» должности… Только неубедительно назначали, произвольно. И глупо – лишь для того, чтобы замаскировать свои наворованные по случаю миллионы.

– Та-ак, – снова протянул Зураб. – Ладно, что просил, на то и напоролся. – Он поднялся, кофе его остыл совершенно. – Буду думать, стоит ли нам… тандем строить. – Он прищурился сквозь сигаретный дым. – В чем-то ситуация повторяется: я тебе предлагаю дело, а ты… опять дурью маешься и считаешь себя правым!

– Люди вообще не очень-то склонны меняться, – сказал Том, чтобы как-то побыстрее выйти из этого разговора. «Зря я так, – подумалось, – как бы Зураб теперь не подставил».

Когда Извеков уже выходил из здания, так и не сунув гардеробщику никаких чаевых, он все еще вспоминал, что и как было произнесено там, в кабинете Зураба. Это тоже было важно – «как» произнесено. И получалось, что в этом и была главная опасность. А если не опасность, то уж несомненно – неприятность. Они были слишком разные, и именно из интонаций разговора это следовало с доказательностью математической теоремы.

А потом, шагая на работу, Том вдруг стал думать по-другому. Вот они строят свою космическую станцию, а ведь проговорились в какой-то из телепередач по одному из учебных каналов, что им необходима эта станция именно такой – мощной, крепкой и энергоемкой, чтобы отразить любое вмешательство в дела людей. Вернее, в те проекты, которые они, мекафы, осуществляют вместе с людьми. Но если они готовятся отражать чье-то вмешательство, значит, с кем-то воюют? Значит, не все так просто? И есть другие варианты развития, чем построение нового общества тут, на Земле, в исполнении мекафов?..

Да, именно так! Слишком много непонятного, слишком туманны и цели и желания самих мекафов. И их объяснения не проясняют ситуацию, общее положение, в котором оказались и люди, и они, захватчики, а лишь маскируют ее, замыливают… Но тогда спрашивается – зачем? И ответа на этот вроде бы простой вопрос пока нет как нет. Версия едва ли не чистой благотворительности, которую пытаются впарить типы вроде Зураба, не выдерживает самой поверхностной критики.

Вот только в одном Зураб прав: об этом всем следует подумать. Не так, как прежде – от случая к случаю, бессистемно, а толково, трезво и, может быть, даже пристрастно. «Об этом нужно думать, – решил Том. – Хотя бы для того, чтобы больше не попадать неподготовленным в подобные ситуации, из которой только что вышел…» Да и вышел ли? Может, самое скверное для него только начинается?

9

Однажды зимой Том вошел в автобус, чтобы ехать на работу, и… не увидел водителя. Машина, сама по себе, без привычной спины человека за рулем, объявила следующую остановку, закрыла двери уже изрядно переполненной металлической коробки и спокойно поехала вперед. Народ шумел, кто-то возмущался – как обычно в России, где никто никогда от нововведений не ждал ничего хорошего, – но были и такие, как Извеков, приглядывались к тому, что происходит. И выходило, что машина ведет себя адекватно. Она на приемлемой скорости обгоняла другие машины, застрявшие почему-либо в правом ряду, и плавно подходила к остановкам, чтобы открыть двери, выпустить-впустить пассажиров и двигать дальше. Том так засмотрелся на эту простую, но необычную штуку, что чуть было не проехал свою контору.

В курилке в тот день только и разговоров было об этом отказе от шоферов в городских автобусах. Пришли к выводу: если система надежна, то ее давно следовало сочинить. Хотя и тут, в родной курилке института, кое-кто говорил, что так можно поменять слишком уж многих работяг. А это означает, помимо прочего, безработицу, которой никто не желал. Впрочем, сошлись на том, что хочешь не хочешь, а теперь все так и будет: сделают и не спросят, согласны ли люди на подобное.

Потом Извеков несколько дней смотрел передачи, которые вечерами, в самое хорошее и удобное время транслировались по телику. Похожие одна на другую, как два яйца, и об одном и том же: как из общей операторской за всеми машинами города следят недремлющие и очень опытные, прямо-таки матерые водители. Теперь каждый из них может управлять двадцатью машинами или даже больше. Было понятно, что эти передачки – для уверенности, чтобы люди не волновались, но почему-то именно такая заботливость вызывала раздражение. Нашли что разъяснять – шоферов сняли!.. Да если у пришельцев есть приборы, автоматы и механизмы, которые будут выполнять эту работу, – милости просим, не самый сногсшибательный трюк.

В стык этим передачам скоро стали показывать и новые машины, которые обеспечивали совершенно безопасное передвижение и позволяли, по словам «специалистов», снизить дорожный травматизм до долей процента от прошлого, почти массового самоистребления людей посредством автомобиля. И вообще машины эти выглядели как-то иначе, чем в прежние годы, более функционально и даже уютно. Не было привычного напора, деланой непричастности человека к этим механизмам, а было что-то мягкое, едва ли не женственное.

Вот в эти новые машины, которые для начала собирались выпускать всего трех видов, Лариса почти влюбилась и стала подумывать о том, чтобы приобрести такую. Уж очень ей понравилась роль эдакой барыни, которая с дочкой и мужем садится в подобный аппарат и просит их куда-то отвезти. А если понадобится, указывает точное место на электронной карте города, появляющейся на небольшом дисплейчике перед ней. И они едут. А потом электронный водила еще и подсказывает барыне, что сегодня нужно непременно бензин залить, потому что на обратную дорогу им уже не хватит.

Она так рассказывала об этом Тому, что не составляло труда догадаться – хочет утереть нос приятельницам и в больнице об этом только и говорят. Извекову это не казалось интересным, и он попробовал отнекиваться:

– Да пойми же ты, у мекафов другая энергетика – никакой бензин никуда заливать не придется. И если приходится пока бензозаправки поддерживать, так чтобы прежние машины могли ездить. А новые будут… от электрических клемм каких-нибудь заряжаться.

– Ничего, – бодро настаивала Лара, – я согласна и от клемм, как ты говоришь. Главное, что своя машина. Я ее по воскресеньям, когда не на дежурстве, мыть буду, с Летой даже, а

весной станем на пляж выезжать… Или, хочешь, к твоей маме в Кинешму смотаемся. Тут недалеко – через час-другой будем на месте. И Летку мне легче будет в школу забрасывать…

Тому оставалось только признать, что он подумает. Хотя и тут Лара была неумолима:

– О чем думать? И деньги есть, и место для гаража во дворике я уже присмотрела.

Трудно с ней было. Том даже временами раздражаться начал, покрикивал, хотя и без успеха. Лариса отругивалась весело, не сердито, допуская, по-видимому, что муж может иногда и ругаться. Главное, как она говорила про автомобиль, «что свой».

Машину купить было действительно возможно. Правда, пришлось бы сходить в инспекцию, что-то там заполнить и подписать, чтобы с его карточки автоматически снимался налог на машину. Извеков и сам это понимал. Не был способен уразуметь только одного: зачем ему эта машина, что он будет с ней делать? Как он, довольно простой и не слишком примечательный инженер-проектировщик, вдруг начнет пользоваться такой привилегией?

В общем, пришлось все же про машину разузнавать. И тут, к его облегчению, Том выяснил, что машин нового типа пока выпускается мало, что нужно стоять в очереди до полутора лет, и все зависит от той категории, которую ему присвоили. А у Тома хоть и была довольно удачная категория, но не самая мощная для такого приобретения, как семейная машина нового поколения. Вот Ларисе и пришлось пока смириться с таким положением. Но под конец всех объяснений она пробурчала:

– Ладно, сразу все не получается. Но прождать год-два – это немного. Если бы я захотела, на нее пришлось бы копить лет пятнадцать… И то, может, не досталось бы.

Она еще помнила коммунистические времена, когда купить машину было сложнее, чем слетать на Луну. Поэтому отсрочка в исполнении желания не слишком вывела ее из равновесия. И Том вздохнул с облегчением. Он и не предполагал, что такая ерундовая вещь, как покупка автомобиля, может на него подействовать едва ли не угнетающе. Даже сам удивился.

Зато Лета, когда разобралась, что машину они пока не покупают, потребовала, чтобы ей в комнату поставили большой и навороченный трехмерный телик. Вернее, не поставили, а повесили. Потому что появились такие аппараты, которые можно было как картину на стену вешать, и создавалось впечатление, что стена после этого исчезает, а появляется новое окно…

Когда они втроем отправились за этой покупкой, оказалось, что телевизоры продавал один из тех ребят, с кем Извеков был знаком на верфи. Мужчины разговорились, пока оформляли покупку и носились с его карточкой, чтобы все оплатить. Этот парень, которого Том величал Игорем, но который перед расставанием признался, что он Владимир, а не Игорь, рассказал, между прочим, что он иногда заходит на верфь и что у них там в пивнушках перед выходом из порта чуть не раз в неделю собирается вполне представительная компания «из старослужащих», как он выразился. Собственно, Том тоже к ней относился, пусть и перепутал имя этого парня. И почему-то ему вдруг захотелось посидеть с прежними знакомыми, расспросить – где, как и что у них происходит?

Еще Володя, убедившись, что Тому интересен этот разговор, сообщил, что заказов на верфи полно, а зарплата поднялась уже настолько, что он сам подумывает, не вернуться ли? В общем, Том еще поболтал бы с ним, но Лариса заставила торопиться, ей не терпелось опробовать новинку.

Телевизор этот Ларе так понравился, что она повесила его в главной комнате, а старый переставила в комнату к Лете и объяснила очень просто: у нового телика оказалась такая функция, как три дополнительных экранчика сбоку, поэтому можно было смотреть четыре передачи разом, не перескакивая по каналам, а для Леты это, мол, слишком «жирно».

Оторваться от нового телевизора было нелегко, как будто он чем-то манил, что-то такое делал с мозгами. И не столько обслуживал человека, сколько… назначал своей приставкой.

Его даже выключать не хотелось. Том, разумеется, сразу вспомнил про двадцать пятый кадр и еще о каких-то наводках на сознание человека посредством скрытого цвета… Но делать с этим все равно ничего не стал. Потому что и сам смотрел… в это окошко с удовольствием.

Новый аппарат действительно помогал расслабиться после работы. При этом самому Тому больше всего нравились неожиданно появившиеся в избытке передачи о строительстве постоянной базы человечества и мекафов, разумеется, на Луне. Это было действительно здорово и даже более красиво, чем строительство геостационарных баз над Землей. Это поражало воображение. Или оживляло память прошлых десятилетий, когда люди так мечтали добраться до Луны, высадиться на этом природном спутнике, походить по нему, сыграть в футбол или просто развесить флаги и прочие игрушки, как на новогодней елке. Это возвращало Извекова во времена мира и спокойствия, почти детства…

На этот раз строительство, как понял Том, было даже более масштабным, чем все прочие проекты мекафов. Они размахнулись, собираясь строить четырнадцать наружных куполов с довольно большими окнами, чтобы наблюдать звезды на лунном небосклоне, а также более полутора тысяч разных помещений, заглубленных в грунт, иногда уходящих до километра под поверхность. Это были заводы, станции, предприятия жизнеобеспечения и просто склады со всем необходимым на случай если что-то пойдет не так, как задумано. Хотя, как иногда с тоской думал Том, для самих мекафов в этом было мало новизны. Они, скорее всего, делали свое дело, чтобы остаться на Земле навсегда, и при этом выходило, что выбора у людей не было.

Еще по новому телику Тому довелось просмотреть с десяток новоявленных мыльных телесериалов. Вот тут восхищаться было нечем. Все было предельно просто и однонаправленно. Люди были сволочами, которые, как и в прежних голливудских боевиках, только и делали, что бегали и стреляли из пистолетов в красномундирных. А потом мгновенно стали «хорошими парнями» и под предводительством мудрых и необычайно благородных мекафов принесли на свою планету всеобщие идеалы прогресса и мира. Их нужно было, разумеется, остановить, чем и занимались те, кому положено… Или очередной герой, без сомнения воспитанный на идеалах гуманизма и процветания, ради чего он и уничтожал тупых повстанцев пачками, не задумываясь о прочих проблемах.

Это было бы смешно, если бы русским, как во времена системного предательства ельциноидов, такое уже не пришлось разок испытать. Тогда тоже по всем каналам вдруг принялись крутить почти такие же боевики, где подлецами и тупицами были эти самые русские, мечтающие только о величии «России-матушки» под соусом, разумеется, тоталитаризма или какой-нибудь иной диктатуры. Так что, в общем, совсем оскорбленным Том себя не чувствовал – к чему привык, то уже было не вытравить.

Из сколько-нибудь достоверных передач Извекову понравилась только одна. В ней на базе новых, только что освоенных генно-инженерных идей, заимствованных у мекафов, некая международная банда в Европе изобрела очень долговременный наркотик, вызывающий повышенный уровень серотонина в мозгах, вплоть до постоянной, длящейся неделями эйфории. И когда эту банду раскрыли, их довольно безжалостно расстреляли. Причем публично, словно в Европе возник некий вариант шариата вместо полноценной судебно-правовой системы. Хотя, если уж на то пошло, судить за причастность к постоянно действующей криминальной группировке, пожалуй, было правильно. Иначе этих ребят с совершенно гангстерскими замашками остановить было невозможно, особенно в России, коррумпированной чуть не до последнего, самого мелкого чинуши.

Из курьезов, вызванных новым увлечением смотреть по телику чуть не все подряд, Тома позабавили дискуссии на тему многоженства. Причем об этом серьезным тоном говорили «настоящие» на первый взгляд сексологи, психологи и социологи. О том, что на многих территориях, как теперь все чаще стали называть страны и государства, это явление уже

существовало в виде развитых и социально опробованных норм и обычаев, разумеется, тоже частенько упоминалось. Эти, купленные чинами, должностями и высокими личностными тарифами «спецы» не желали думать, что кто-то может не согласиться с ними, даже если они будут об этом талдычить часто и долго.

От этого смотреть телевизор Тому постепенно расхотелось. Хотя Ларисе, кажется, понравилось сидеть втроем, с Летой, на диване и бездумно следить за тем, что им скармливают. Она, конечно, пробовала спорить против многоженства, но уже через недельку-другую стала говорить, что Земле, особенно тем районам, которые занимает Россия, требуется много рабочих, воспитанных с учетом новых реальностей, а следовательно, и такая крутая мера не слишком уж бесчеловечна… Тем более есть примеры и конфуцианского Китая, и мусульманских стран.

А у Тома получилось как раз, что почти все его предварительные работы оказались исполнены, сданы и даже, по слухам, благосклонно приняты начальством, и он заскучал. Потому что ему стало ясно: даже работа, как ее не исполняй, сколько сердца и ума в нее ни вкладывай, полным спасением от этой жизни для него не станет. По этой причине, кажется, он снова принялся гулять по городу поздними вечерами, находя в одиноких прогулках отдушину от тоски, которая навалилась на него. Его предупреждали, что он может попасть в неприятную ситуацию, особенно с патрулями, но даже красномундирные теперь вели себя вежливо, тем более что появились переносные сканеры. Они просто считывали чип, зашитый под кожу правой руки Тома, и, как правило, вежливо расспросив о чем-нибудь незначительном, отпускали.

Но однажды Извеков попал в тот район, где когда-то жил и где находилась его общага. Это было на полпути к промышленной зоне города, вернее, к его прежней промзоне. Теперь-то заводы строились иначе и по-другому. Уж кому-кому, а Тому об этом было отлично известно. Он потом спрашивал себя, что привело его туда – ностальгия по прежним временам, глупость или задумчивость, которая, что ни говори, иногда заставляет делать человека такое, чему он потом и сам удивляется… В общем, он зашел туда и попал на самый настоящий гоп-стоп.

Началось все обыденно. Трое плечистых парней выплыли из темноты, подошли чуть боком, и один из них хрипло спросил:

– Наличность имеется, гражданин?

– Что? – Извеков действительно не понял вопроса. Он задумался, и отвлечь его от размышлений не сумела даже эта не вполне мирная на вид троица.

Тогда кто-то еще, как оказалось, четвертый, который подошел незаметно сзади, огрел его с размаху по голове. Том упал, как срезанный серпом, попробовал подняться на ноги, но тот, что спрашивал, поставил ногу в грязном, вонючем ботинке с высокой шнуровкой Извекову на шею и придавил. Наклонился и, явно веселясь, спросил, процеживая слова сквозь плохие зубы:

– Тебя же вежливо просили, фраер, деньги давай! – И направил в лицо Тому луч внезапно вспыхнувшего фонарика.

Вдруг один из тех двоих, что еще оставались в поле зрения лежащего Извекова, завизжал:

– Я его знаю, крысу паленую! Он из армии пришел и права у нас качал, когда мы с… – Дальше шло непечатное, но Том догадался, что тот чуть было не выболтал имя. За что более опытный товарищ тут же изрядно ткнул приятеля кулаком в бок. – Ну, теперь-то мы с тобой, поганец, разберемся! – радостно закончил бандит.

И столько в этом было мстительной жестокости, сладострастия того особого типа, который выдает мучителей и садистов, что Том впервые подумал: дело для него может обернуться плохо. Он даже зажмурился на миг, но заставил себя открыть глаза, потому что

лежать, обмирая от страха, было бы совсем глупо. Нужно было… Он не знал, что следовало теперь делать.

И вдруг откуда-то сбоку выскочила машина с яркими фарами и разом осветила все происходящее. Захлопали дверцы. Тот, что ударил Извекова по голове, заорал:

– Шухер, это наводка…

Что это значило, было непонятно. Может, налетчики подумали, что «наводкой» оказался Том? Бандюганы бросились врассыпную, но далеко не ушли, потому что с другой стороны улицы из-за поворота выскочила другая машина и, так же осветив все своими фарами, перекрыла им отход. Кто-то из налетчиков рванулся к арке, ведущей в соседний дворик, но добежать не успел.

Сбоку или сзади – Том особенно и не рассмотрел – ударил уже виденный им на поле боя веер парализатора, и все четверо застыли на снежной мостовой, скорчившись от боли и почти умирая от такого близкого и мощного удара парализующих лучей.

Потом Извекову помогли подняться, проверили для порядка его чип, и какой-то красномундирный коротышка, довольный собой и всем миром, пояснил:

– Мы за ними, парень, уже с месяц подслеживаем. Свидетелей у нас полно, но и твои показания потребуются.

– А как вы?.. – Том ничего не понимал, ощупывал себя и все вернее убеждался, что сколько-нибудь серьезно не пострадал, даже шишка на голове была не крупной: шапка смягчила удар. – Как вы догадались, что тут происходит?..

– Что ты тут гуляешь, мы знали, – пояснил коротышка, вытаскивая электронный блокнот, чтобы составить протокол задержания. – Вот и следили за твоим чипом. Он ведь помогает сканировать окружающее. Нам же, знаешь, выписали аппаратуру для дистанционного слежения за такими как ты, – он помедлил, сосредоточенно тыкая пластмассовым стилом в светящийся экранчик, – законопослушными гражданами. В общем, тебе повезло, парень.

Том задумался, даже засучил рукав куртки и попытался рассмотреть тот участок кожи, под которым был зашит его чип. Он-то сам ничего не чувствовал, а его приборчик, оказывается…

Расписавшись в том, что он свидетельствует против налетчиков, Извеков отказался от предложения подвезти его и потопал домой пешком. И все время думал, как удачно все обернулось. И как ловко сработали красномундирные…

И еще он подумал, уже перед самым домом, что, несмотря на боль в голове и изрядно помятый вид, не будет об этом рассказывать Ларисе. Кто ее знает, вдруг она вздумает ограничить его вечерние прогулки после этого происшествия? А без них, Том знал, ему не обойтись. Разумеется, он имел в виду прогулки, а не драку с местной шпаной.

10

История с гопстопниками произвела на Томаза не слишком большое впечатление, но заставила отчетливо осознать, почему у него было такое скверное настроение последние месяцы. Он встроился в систему, и все у него вышло не очень даже сложно. Извеков этого не понимал именно из-за легкости вхождения в «новый порядок», который для своих целей установили мекафы на Земле. Именно это угнетало, а вовсе не какие-то переживания по поводу попранной гордости человечества, в которую теперь, убедившись в том, как люди себя повели, Том не слишком верил.

Гордости у человечества оказалось немного. Как только верхушке объяснили, что права собственности останутся прежними, а игрушек с новыми технологиями даже прибавится, все сразу устаканилось. «Должно быть, люди вообще очень выносливая скотинка, – думал Том, – если рассматривать их как объект хозяйствования. И с этим ничего не поделаешь».

Он попробовал даже поговорить об этом с единственным близким ему человеком – Ларисой. Но та его даже не поняла. Она принялась хвалить его, что он такой молодец, именно потому что встроился, а у других не вполне получилось. Возражения, что он не понимает, как это произошло, почему ему выпала такая удача (если это можно было назвать удачей) и что теперь ему с этим делать, Лару только разозлили.

Поразмыслив и над этим, Извеков решил, что они «притираются», как это называлось на женском жаргоне, в их странном брачном союзе. Собственно, это и был даже не брак, как полагается, а именно союз. Словно две суверенные страны, решившие, что, объединив усилия, они повысят свою возможность жить комфортно, действительно организовали эту самую жизнь довольно удобно.

Но по странному закону какой-то психической индукции недовольства собой и всей системой подчинения захватчикам Том и союзом с Ларисой стал недоволен. Не чувствовал он в этом ничего, кроме какой-то тошнотворной своей ловкости и бытовой лихости. Словно он пес какой-нибудь – живет где попало и заботится о чем-либо только потому, что случайно угодил в эту ситуацию.

Сложные это были мысли, но с другой стороны… Что он мог поделать? Он еще не умел думать о таких вещах, осознавал, что не научен понимать такие вещи, что лежат они за пределом его кругозора, что в отношении его лично – такая ситуация в чем-то ошибочна, неверна. Вот только бы еще догадаться, в чем именно она неверна?

Однажды весной, когда распределяли двухнедельный оплачиваемый отпуск, который правители решили установить для всех служащих той же категории, что была и у Тома, к Извекову в кабинетик забежала одна из секретарш и притащила скромный конверт. Том таких еще не видел, и конверт вызвал в нем неприятное чувство, хотя там оказалось обычное, почти привычное приглашение зайти в здание городской администрации. Раньше он воспринял бы этот вызов нормально, но теперь почти час сидел, мрачно постукивая листком по столу и пытался разобраться в своих ощущениях. Как обычно, ни в чем он не разобрался, только и усвоил, что опять, тоже вполне уже привычно, недоволен тем, что нужен этим самым… завоевателям и их системе.

Явившись тем не менее в срок, Извеков неожиданно для себя попал в то крыло и на тот этаж, где еще никогда не был. Это было по виду обычное учреждение, с девушками и довольно приятными молодыми людьми за столами. Ни один из них не был старше Тома хотя бы на пару-тройку лет, это во-первых. Во-вторых, у каждого на столе находился довольно мощный комп, и ребята привычно работали на них. В-третьих, в кабинет начальника, кото-

рый его вызвал, Извекова провели сразу, что тоже настораживало – такая оперативность была совсем не в духе обычного русского раздолбайства.

В кабинете, куда его привели, хозяина не оказалось, зато присутствовал неприметной наружности молодец из обслуги, в хорошем костюме и с галстуком, разумеется, красно-оранжевого тона. Парень явно тяготился пребыванием тут, но Тома в одиночестве не оставил, а присел на край большого стола для заседаний и принялся скучновато рассматривать свои ногти. Тогда Извеков решил поговорить.

– У меня сложилось странноватое впечатление, – улыбнулся он пареньку в оранжевом галстуке, – что все это крыло… пристроено недавно?

– Не только это крыло, все здание теперь «под колпаком», – скучным голосом и совершенно невразумительно отозвался секьюрити. Он посмотрел в окно и продолжил: – В середине зимы тут пытались диверсию провести, какую-то бомбу подложили… Нас даже эвакуировали на пару часов, чтобы ее обезвредить. А потом решили: раз такое дело, поставить тут общий кибермозг, который за всеми следит и всех посетителей фиксирует, чтобы отловить негодяев, если потребуется. – Парень чуть-чуть оживился. – Кстати, наши компы к нему тоже подключены. Это иногда помогает в работе, особенно когда большими объемами приходится оперировать.

– А что вы, собственно, делаете?

Парень уставился на Извекова подозрительно, будто он вызнавал военную тайну.

– Так, разное… Иногда считаем данные по населению, иногда сочиняем обработку общественного мнения, иногда статистику по перспективным специальностям прогнозируем.

«Значит, я не ошибся», – подумал Том.

В этот момент в кабинет вошел низенький, совершенно лысый мужичок, тащивший стопку лазерных дисков. Он кивнул парню, и тот мигом испарился. Извеков протянул свой вызов и посмотрел на часы. Мужичок этот жест заметил, но ничего не сказал, лишь кивнул на кресло, в котором Том и обосновался.

Потом хозяин кабинета молча принялся втыкать принесенные диски один за другим в свой комп, внимательно уставившись экран. Том заскучал было, но лысый, видимо, нашел, что искал, потому что вдруг поднял голову и слегка улыбнулся.

– Итак, дело ваше оказалось довольно давним. – Теперь начальник смотрелся бодро и подтянуто, словно военный в парадной форме. – Но я отыскал его. Оказывается, вы были в лагере, и там вам присвоили необычайно высокий уровень… Я не понимал этого, скажу сразу, но теперь все выяснилось. – Хозяин кабинета откинулся в кресле, словно сел в засаду, и стал рассматривать Извекова, как какой-нибудь охотник на опасных зверей присматривается к добыче, придумывая, как ее понадежнее и поспортивнее подстрелить. – У вас имеется несколько специфических характерологических особенностей, например склонность к интроверсии. Притом что внешне вы можете быть так же коммуникабельны, как и экстраверт, а вдобавок у вас еще и потрясающе высокий коэффициент интеллекта.

– Мне о чем-то таком говорили в лагере, хотя… С этим только жить труднее, а в остальном… ничуть не помогает. – Том пока не мог понять, куда он клонит.

– Да, с этим бывает трудновато самому субъекту, признаю. Но это же вам и помогло, например, при тарификации? Система у нас пока не слишком эффективна, но все же действует.

– Впервые слышу, чтобы за потенциальные возможности выдавались какие-то реальные привилегии.

– Вы о категории? Но она для того и существует, чтобы учитывать естественное природное неравенство людей, – пояснил чиновник. – Но это так, необязательная часть нашей беседы. А обязательная заключается вот в чем. Как вы посмотрите на то, чтобы пройти меди-

цинский и психологический тренинг или даже получить некоторым образом новое образование, которое позволит все эти ваши замечательные возможности реализовать?

– Вы говорите о тех машинках, которые что-то встраивают в мозги? – уточнил Том. – Я думаю, это ненормально. К тому же я что-то подобное уже проходил в лагере…

– Нет, в лагере была почти рутинная оценка ваших возможностей. А сейчас я предлагаю вам новую методику обучения, рассчитанную именно на людей… вашего примерно потенциала. Не больше, но и не меньше. – Хозяин кабинета хихикнул, продемонстрировав отличные зубы. – Своеобразный апгрейд, если использовать компьютерную терминологию. Она позволит вам стать умнее, точнее, эффективнее и даже поднимет признанную за вами квалификацию. Не сомневаюсь, после того как вы эти тренинги успешно пройдете, вам можно будет рассчитывать на категорию D5 или даже выше… Поймите, я ничего не обещаю, но с вашими показателями, – начальник кивнул на монитор, словно Том мог его видеть, – в этом нет ничего невозможного.

«А какая у него самого категория? – вдруг подумал Том. – Пусть он и не красавец, но похоже, что как минимум C7, а то и C5. Уж очень легко он говорит о букве D – это неспроста!» Тем более что принадлежность к касте C позволяла людям жить в особняках, располагать служебной машиной, а в некоторых случаях и вертолетом, иметь двухмесячный оплачиваемый отпуск в течение года и реально рассчитывать на дальнейший карьерный рост.

– В конечном итоге, – продолжал чиновник, словно от его слов что-то зависело и он мог на самом деле уговорить Тома, – с вашими мозгами служить пусть и хорошим, но инженером – это мелко. Вам следует думать о том, чтобы сделаться руководителем, заняться делом более ответственным. Притом что для вас это бесплатно – за все платит правительство.

– Какое правительство? – прищурился Извеков.

– Наше, нынешнее правительство, – делано удивился хозяин кабинета.

«А ведь я его завтра даже не узнаю, если встречу на улице», – подумал Том. Впрочем, подобные шишки вряд ли просто так разгуливали по улицам, у них была своя среда обитания, далекая и от улиц города, и от всех прочих людей. Он сказал:

– Я согласен.

Но толстяк не унимался – то ли привык разглагольствовать в своем-то кабинете, то ли хотел показать, какой он добрый и чуткий.

– Например, вы вздумаете получить экономическое образование, стать предпринимателем – а это вполне возможно, многие так поступают. Вас лодируют по экономическим и правовым специализациям, и вы становитесь нормальным, дипломированным дельцом. А это значит – деньги, власть и более высокое качество работы. Учтите, очень интересной работы, и по вашему выбору.

– Я согласен, – повторил Том.

Он не мог бы пояснить, почему так легко согласился. Конечно, здесь было много и от того недовольства, которое снедало его в последнее время, и немало от любопытства по поводу этих самых тренингов, или, как сказал чиновник, лодирования… И откровенное желание перемен, которые хоть что-то да обещали в будущем.

– Вот и отлично! – Толстяк уселся в кресле поудобнее и застучал по клавишам компьютера, продолжая разглагольствовать: – У вас семья, приемная дочь… Странно только, почему у вас нет своих детей. Медицинские показатели в норме, никаких серьезных препятствий нет… Детей вам нужно завести обязательно! С вашими мозгами у вас должны быть очень способные дети. Это важно сейчас, понимаете?

Он не интересовался тем, понимает ли его Том, просто продолжал уговаривать, видимо, войдя во вкус. Извеков еще раз произнес:

– Согласен.

– Отлично, отлично!.. Теперь я вас отправлю к моему заму – вы его тут уже видели, – он объяснит, что и как нужно делать, чтобы…

Дальше все пошло по накатанной дорожке, как понял Том, и уже через пару часов, получив какие-то справки и направления, он вышел на улицу. Постоял. С неба падал мягкий, поздний снег. Все было как обычно, но Извеков понимал: что-то произошло. Вот только не разобрался он, что же это было.

Дома, уже вечером, когда пришла с работы Лариса, он стал рассказывать новости, но она так устала, что не слушала. Зато известие, что Тому могут повысить категорию, вызвало у нее молниеносную и даже чрезмерную реакцию. Лара взвизгнула и прыгнула ему на колени. Было время, она любила сидеть у Тома на коленях, только в последнее время не очень-то этим занималась. Лара стала его гладить, приговаривая, какой он у нее умный, талантливый, какой успешный и как им будет здорово, если она сможет бросить работу, а заняться только им, Летой и вообще народить еще детей…

Уже лежа в кровати, после довольно бурных, хотя и не самых успешных со стороны Тома любовных утех, ему подумалось, что как бы там ни было, а ввязался он во что-то необычное. От этой мысли было почти так же неуютно, как прежде, но он уже привык так жить последнее время.

– А знаешь, – вдруг всхлипнула Лариса, – я сегодня в церкви была. Хожу туда потихоньку, меня старушки узнавать стали… Так вот, одна женщина сказала, что конец света уже наступил, а мы и не заметили. Оказывается, она не знала этой давней шутки, в которой оказалась слишком малая доля шутки… Извеков не отозвался, и Лариса уснула, довольная всем на свете. А он еще некоторое время думал над ее словами, и хотя они не могли быть правдой, обдумать их почему-то хотелось.

Вот только странное это было обдумывание – конец света, когда все мало-помалу устроилось и можно было даже учиться чему-то новому, как сказал тот толстяк. «Но тогда и жизнь, – думал Том, – может вот так же неожиданно и незаметно окончиться. Например, начнешь зарабатывать делягой каким-нибудь большие деньги, переберешься в особняк, приобретешь целый гараж новеньких автомобилей, накупишь жене массу побрякушек, какие ей хочется, народишь детей… А жизнь, оказывается, уже давно, незаметно и окончательно окончена?»

Что-то в его рассуждениях было неправильно, но что именно, Извеков так и не догадался, а потому все же уснул.

Часть вторая
СТИМУЛ ПАДЕНИЯ

1

Передав Ларисе побольше наличных, Том оставил на своей карточке ровно столько денег, сколько, по его мнению, должно было хватить до указанного места где-то в районе Плеса и обратно. И, конечно, на проживание в течение двух-трех недель. Добрался он автобусом, причем вид деревенских жителей его не порадовал. Складывалось впечатление, что процветание, о котором так много говорилось по телику, не задело этих людей даже краем. Особенно Извекову не понравилась укутанная, несмотря на уже вошедшую в силу весну, тетка, которая зачем-то тащила за собой козу. Коза упиралась, часто становилась поперек прохода между креслами в автобусе и, озираясь, жалобно мекала. Приглядываясь к ней, Том, пожалуй, впервые в жизни осознал, откуда пошло это выражение «блудливая коза». Глаза у животного действительно выглядели… хм, как у девицы определенного поведения, вышедшей на свой незатейливый промысел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.